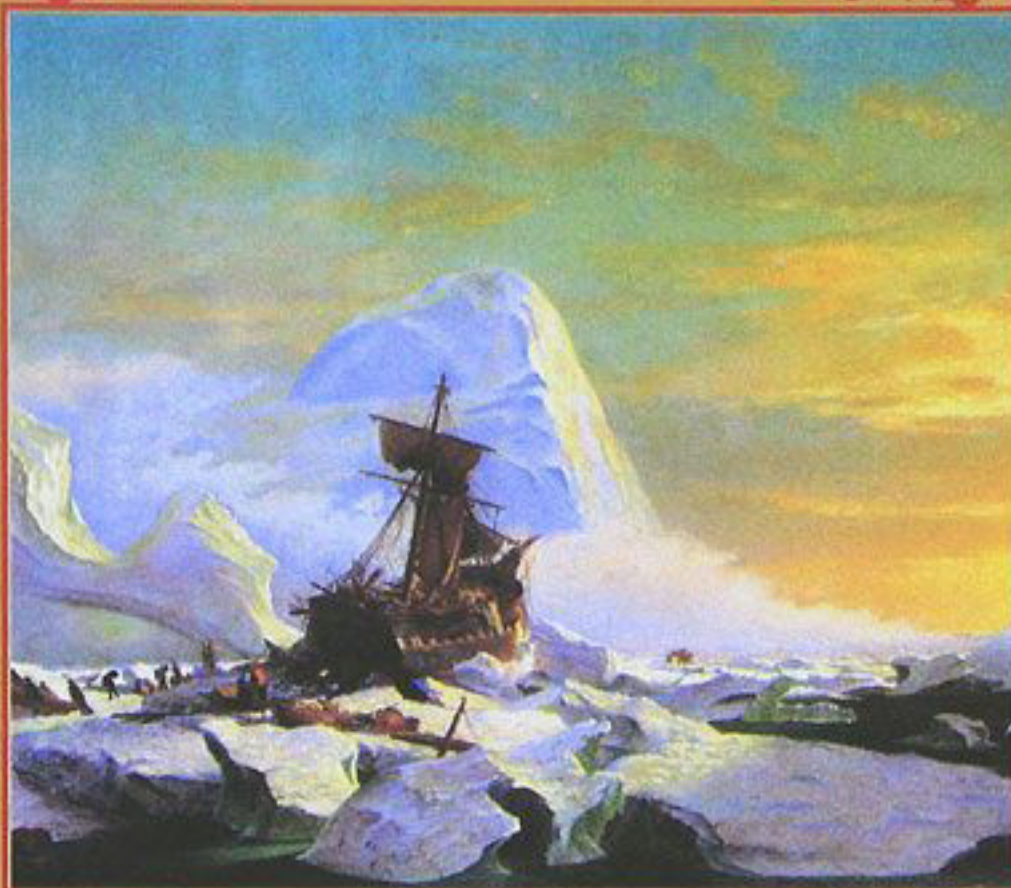

ЖЮЛЬ
ВЕРН

Ледяной сфинкс

✦ ЗАРУБЕЖНАЯ КЛАССИКА ✦

Зарубежная классика (АСТ)

Жюль Верн
Ледяной сфинкс

«АСТ»

1897

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)

Верн Ж. Г.

Ледяной сфинкс / Ж. Г. Верн — «АСТ», 1897 — (Зарубежная классика (АСТ))

ISBN 978-5-17-074826-6

В полярной эпопее «Ледяной сфинкс» мэтр французской литературы предлагает свое продолжение классического произведения литературы американской – «Сообщение Артура Гордона Пима» Эдгара По. Капитан Лен Гай с отважной командой отправляется на поиски своего брата Уильяма, капитана шхуны «Джейн», более одиннадцати лет назад пропавшего где-то у берегов Антарктиды.

УДК 821.133.1

ББК 84(4Фра)

ISBN 978-5-17-074826-6

© Верн Ж. Г., 1897

© АСТ, 1897

Содержание

Часть первая	6
Глава I	6
Глава II	11
Глава III	18
Глава IV	25
Глава V	33
Глава VI	42
Глава VII	47
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Жюль Верн

Ледяной сфинкс

© Перевод. Кабалкин А.Ю., 2011

© ООО «Издательство Астрель», 2011

* * *

*Памяти Эдгара По
Моим американским друзьям*

Часть первая

Глава I Острова Кергелен

Несомненно, ни один человек на свете не поверит моему повествованию. И все же я предлагаю его на суд публики. Пусть она решает, верить или нет.

Прежде чем начать рассказ о невероятных и ужасающих приключениях, замечу, что трудно представить себе менее подходящее для человека место, чем острова Отчаяния – так их нарек в 1779 году капитан Кук¹. Я пробыл там несколько недель и утверждаю, что они вполне заслуживают этого названия. Острова Отчаяния – лучше не скажешь...

На географических картах этот архипелаг, расположенный на 49°54' южной широты и 69°6' восточной долготы, именуется Кергелен: француз барон Кергелен² первым обнаружил его в южной части Индийского океана в 1772 году. Барон вообразил тогда, что открыл новый континент; но уже следующая экспедиция заставила его понять свою ошибку: это был всего лишь архипелаг. Если кого-нибудь интересует мое мнение, то название «острова Отчаяния» единственно подходит для этой россыпи из трехсот островов и островков, затерянных в бескрайних океанских просторах.

Но и здесь живут люди, и 2 августа 1839 года исполнилось ровно два месяца с тех пор, как благодаря моему появлению в гавани Рождества число европейцев и американцев, составляющих основное ядро здешнего населения, увеличилось на одну душу. Впрочем, я стал с нетерпением ждать случая покинуть эти края, как только закончил свои геологические и минералогические изыскания.

Гавань Рождества расположена на самом крупном острове архипелага площадью в четыре тысячи пятьсот квадратных километров. Это довольно удобный порт, где можно стать на якорь в нескольких саженях от берега. Обогнув с севера мыс Франсуа со Столовой горой высотой тысяча двести футов, отыщите глазами базальтовую гряду, в которой природа проделала широкую арку. Сквозь нее вы увидите тесную бухту, защищенную многочисленными островками от свирепых ветров. Это и есть гавань Рождества. Ваш корабль может направиться прямо туда, забирая чуть вправо. На стоянке довольно одного якоря, что оставляет судну свободу для разворота и прочих маневров – пока бухту не затянет льдами.

На Кергелене множество фиордов. Берега изрезаны, словно истрепанные края юбки нищенки. Прибрежные воды усыпаны островками. Вулканическая почва представляет собой кварц с краплениями голубоватого камня. Летом камни покрываются зеленым мхом, серыми лишайниками и неприхотливыми камнеломками. Единственный здешний кустарник, напоминающий по вкусу горькую капусту, не встретишь ни в одной стране мира.

Здесь в превеликом множестве водятся королевские и иных пород пингвины, которые расхаживают, выпитив желтые и белые грудки, откинув глупые головки и размахивая крыльями, словно монахи, вереницей шествующие вдоль могильных плит.

Добавлю, что на Кергеленах нашли прибежище тюлени, нерпы и морские слоны, охота на которых поставляла товар для оживленной торговли, отчего на архипелаг часто заплывали корабли.

---

¹ Кук Джеймс (1728–1779) – английский мореплаватель, совершил три кругосветных путешествия. Пытаясь найти южный материк, Кук проплыл вокруг Южной полярной области.

² Кергелен Ив-Жозеф (1734–1797) – французский мореплаватель. Открыл архипелаг в Индийском секторе Южного океана, названный его именем.

В один прекрасный день, когда я прогуливался в порту, меня нагнал хозяин гостиницы, где я остановился.

– Если не ошибаюсь, вы полагаете, что несколько задержались, мистер Джорлинг?

Это был высокий полный американец, обосновавшийся здесь двадцать лет назад и владевший единственной гостиницей в порту.

– Вообще-то да, мистер Аткинс, – отвечал я, – не в обиду вам будь сказано.

– Ну что вы, – отозвался славный малый. – Как вы догадываетесь, я привык к таким ответам, как скалы мыса Франсуа привыкли к океанским волнам.

– И отражаете их подобно этим скалам...

– Вот именно! Когда вы только высадились в гавани Рождества и остановились в гостинице «Зеленый баклан», я подумал: «Через две недели, если не раньше, моему постояльцу наскучит здесь и он пожалеет, что приплыл на Кергелен...»

– Нет, почтенный Аткинс, я никогда не жалею о содеянном.

– Хорошая привычка.

– На ваших островах я обнаружил немало любопытного. Я бродил по холмистым плато, обходил торфяники с жесткими мхами. Я раздобыл интересные образцы минералов и горных пород. Я участвовал в охоте на нерпу и тюленя, видел птичьи базары, где мирно соседствуют пингвины и альбатросы. Вы потчевали меня жарким из буревестника. Наконец, я встретил в «Зеленом баклане» великолепный прием, за который не устаю благодарить вас... Но минуло уже два месяца с того дня, когда я высадился в гавани Рождества...

– ...Вам не терпится оказаться снова в вашей, то есть нашей, стране, мистер Джорлинг, – подхватил мой собеседник, – снова увидеть Коннектикут и Хартфорд, нашу столицу...

– Без всякого сомнения, почтенный Аткинс. Вот уж три года я скитаюсь по свету... Пришло время остановиться, пустить корни...

– Когда появляются корни, – подхватил американец, подмигнув, – то недолго и ветки отрастить!

– Совершенно справедливо, мистер Аткинс. Однако семьи у меня нет, и, вероятно, на мне закончится наш род. В сорок лет мне уже вряд ли вздумается отращивать ветки, как это сделали вы, мой дорогой хозяин, ибо вы – настоящее дерево, да еще какое...

– Дуб – даже, если хотите, каменный дуб.

– Вы правильно поступили, подчинившись природе. Раз природа снабдила нас ногами, чтобы ходить...

– То она не забыла и про место, нужное, чтобы сидеть! – с громким хохотом закончил Фенимор Аткинс. – Потому я удобно уселся в гавани Рождества. Матушка Бетси подарила мне двенадцать ребятишек, а они, в свою очередь, порадуют меня внуками, которые станут ластиться ко мне, как котята...

– И вы никогда не вернетесь на родину?

– Что бы я там делал, мистер Джорлинг? Нищенствовал? А здесь, на островах Отчаяния, я ни разу не ощутил пустоты, я добился достатка для себя и своего семейства.

– Несомненно, почтенный Аткинс. Мне остается только поздравить вас. И все же может так случиться, что в один прекрасный день у вас возникнет желание...

– Пустить корни в иной почве? Куда там, мистер Джорлинг! Я же говорю, что вы имеете дело с дубом. Попробуйте-ка пересадить дуб, наполовину выросший в гранит Кергелена!

Приятно было слушать этого достойного американца, который явно прижился на архипелаге и приобрел отменную закалку благодаря здешнему суровому климату. Его семейство напоминало жизнерадостных пингвинов – радушная матушка и крепыши сыновья, пышущие здоровьем и не имеющие ни малейшего понятия об ангине или несварении желудка. Дела у них шли на славу. В «Зеленый баклан», ломящийся от товаров, заглядывали моряки со всех судов, что бросали якорь у Кергелена, – ведь в гавани Рождества не было другой гостиницы или

таверны. Сыновья же Фенимора Аткинса могли быть и плотниками, и парусными мастерами, и рыбаками, а летом промышляли ластоногих в узких расселинах прибрежных скал. Славные парни, вполне довольные своей участью...

– А в общем, почтенный Аткинс, скажу вам: я счастлив, что побывал на Кергелене. Я увезу отсюда приятные воспоминания. Однако в море выйду с радостью...

– Ну-ну, – отвечивал доморощенный философ, – еще немного терпения! Не торопите час расставания. Хорошие деньки непременно наступят. Недель через пять-шесть...

– Пока же, – перебил я его, – все покрыто толстым слоем снега, а солнце не в силах пробиться сквозь туман...

– Вот тебе на! Мистер Джорлинг, приглядитесь: из-под снега травка пробивается! Посмотрите внимательнее...

– Ее видно только через лупу! Неужели вы станете утверждать, Аткинс, что сейчас, в августе, ваши бухты уже очистились ото льда?

– Не буду, мистер Джорлинг. Я лишь снова призыву вас к терпению. Зима в этом году выдалась мягкая. Скоро на горизонте покажутся корабельные мачты. Сезон рыбной ловли не за горами.

– Да услышит вас небо, почтенный Аткинс, и да приведет оно в наш порт корабль! Шхуну «Халбрейн»!..

– Ведомую капитаном Леном Гаем! – подхватил тот. – Отличный моряк, хоть и англичанин, – ну, да толковые люди есть всюду. Он пополняет запасы в «Зеленом баклане».

– И вы полагаете, что «Халбрейн»...

– Через неделю появится на траверсе мыса Франсуа. Если этого не случится, придется признать, что капитана Лена Гая нет в живых, а шхуна «Халбрейн» сгинула на полпути между Кергеленом и мысом Доброй Надежды!..

И, сделав на прощание выразительный жест, говорящий о фантастичности подобного предположения, почтенный Фенимор Аткинс оставил меня.

Я надеялся, что прогнозы моего хозяина скоро сбудутся, – все приметы говорили об этом. Все указывало на приближение теплого времени года – теплого для этих мест. Хотя главный остров архипелага расположен на той же широте, что Париж в Европе или Квебек в Канаде, но в Южном полушарии, а оно благодаря эллипсоидной орбите Земли охлаждается зимой куда сильнее, чем Северное, а летом сильнее разогревается³. Зимой на Кергелене бушуют страшные бури, шторма. При этом вода не слишком сильно охлаждается, оставаясь в пределах двух градусов Цельсия зимой и семи – летом, совсем как на Фолклендских островах или у мыса Горн.

Понятно, что зимой в гавань Рождества не осмеливается сунуться ни одно судно. Во времена, о которых я веду речь, паровые суда были еще редкостью. Парусники же, чтобы не оказаться затертыми льдами, искали укрытия в портах Южной Америки, у берегов Чили или в Африке – чаще всего в Кейптауне, близ мыса Доброй Надежды. Лишь несколько баркасов – одни вмерзли в лед, а другие, оказавшись на песчаном берегу, покрылись инеем до верхушек мачт – представляли моему взору в гавани Рождества.

Неудивительно, что, проведя на Кергелене два месяца, я с нетерпением ждал возможности отплыть восвояси на шхуне «Халбрейн», достоинства которой не переставал расписывать мне жизнерадостный хозяин гостиницы.

---

³ Это утверждение Ж. Верна нуждается в уточнении: более сильное охлаждение Южного полушария по сравнению с Северным вызвано не только вытянутостью земной орбиты, но и наклоном земной оси; следующее утверждение и вовсе не верно: тепловой экватор Земли смещен к северу относительно географического, так что максимальному разогреву подвергается пояс приэкваториальных пустынь; в Южном полушарии суша занимает гораздо меньше места, чем в Северном, смягчающее влияние океана заметнее, и максимальные летние температуры значительно ниже, чем в пустынных районах Северного полушария.

– Лучшего невозможно желать! – твердил он. – Ни один из капитанов английского флота не сравнится с моим другом Леном Гаем ни храбростью, ни мастерством. Если бы он вдобавок был поразговорчивее, ему не было бы цены!

Я решил последовать рекомендациям почтенного Аткинса. Как только «Халбрейн» бросит якорь в гавани Рождества, я договорюсь с ее капитаном. После шести-семидневной стоянки шхуна возьмет курс на остров Тристан-да-Кунья, где дожидались олова и меди, которыми был загружен ее трюм.

Я намеревался остаться на несколько недель на этом острове и вернуться в родной Коннектикут. В то же время я не забывал о случайностях, ибо всегда следует, руководствуясь советом Эдгара По, «учитывать непредвиденное, неожиданное, невероятное, ибо побочные, второстепенные, случайные обстоятельства часто вырастают в непреодолимые преграды, так что в своих подсчетах нам никогда нельзя забывать про Случай».

Я цитирую здесь великого американского поэта потому, что, будучи сам человеком практического склада, серьезным и не наделенным богатым воображением, восхищаюсь этим гениальным певцом странностей человеческой натуры.

Вернемся, однако, к шхуне «Халбрейн», вернее, к обстоятельствам, при которых мне предстояло покинуть гавань Рождества. В те времена на Кергелен заходило за год не менее пятисот судов. Охота на китов и ластоногих давала блестящие результаты. Достаточно сказать, что, добыв одного морского слона, можно получить тонну жира – количество, ради которого пришлось бы уничтожить тысячу пингвинов. В последние годы число кораблей, заходящих на архипелаг, сократилось до дюжины в год: неумеренное истребление морской фауны сильно уменьшило привлекательность этих мест.

Поэтому я не испытывал беспокойства относительно перспектив отплытия из бухты Рождества, даже если «Халбрейн» не окажется вовремя в нашей гавани и капитан Лен Гай не сможет позвать руку своему приятелю Аткинсу.

Каждый день я выходил на прогулку вокруг порта. Солнце пригревало все сильнее. Скалы и нагромождения застывшей лавы все решительнее освобождались от снега. На нависших над морем скалах появлялся мох цвета забродившего вина, а в море тянулись ленты водорослей. Внутри острова поднимали скромные головки злаки, подобные тем, что растут в Андах и образуют флору Огненной Земли. Оживал единственный здешний кустарник, о котором я уже говорил, – гигантская капуста, весьма ценимая как средство против цинги.

Раз-другой я выходил в море на прочном баркасе. На таком баркасе можно достичь Кейптауна, хотя подобный переход занял бы много дней. Но в мои намерения ни в коем случае не входило покидать гавань Рождества столь рискованным способом... Я питал надежды на шхуну «Халбрейн». А пока, прогуливаясь от одной бухты до другой, я продолжал изучать эти изрезанные берега, напоминающие вулканический скелет, проступающий мало-помалу сквозь белый саван зимы...

Иногда меня охватывала тоска, и я напрочь забывал мудрость хозяина гостиницы, не мечтавшего ни о чем, кроме счастливого существования в гавани Рождества. В этом мире не так уж много людей, кого жизнь сумела сделать философами. Мышцы значили для Фенимора Аткинса больше, чем нервы, ум ему заменял инстинкт – именно поэтому его шансы на обретение здесь счастья были куда предпочтительнее моих.

– Где же «Халбрейн»? – твердил я ему каждое утро.

– «Халбрейн», мистер Джорлинг? – откликнулся он неизменно бодрым тоном. – Разумеется, она придет сегодня же! А если не сегодня, то завтра! В конце концов наступит день, которому суждено стать кануном утра, когда в бухте Рождества затрепещет флаг капитана Лена Гая!

Я подумывал подняться на Столовую гору, дабы расширить обзор. С высоты тысячи двухсот футов взор простирается на 34–35 миль, так что оттуда шхуну можно увидеть на целые

сутки раньше. Однако идея карабкаться на гору, до сих пор укутанную снегами, могла взбредить в голову только безумцу.

Меряя шагами берег, я часто вынуждал спасаться бегством ластиногих, которые с брызгами погружались в оттаявшую воду. Пингвины же, невозмутимые и тяжеловесные увальни, не думали удирать, как бы близко я ни подошел. Если бы не их глупый вид, с ними можно было бы заговорить, владей я их крикливым языком, от которого закладывает уши. Что касается черных и белых качурок, поганок, крачек и турпанов, то они тут же с шумом взлетали, стоило мне появиться в отдалении.

Раз мне довелось спугнуть альбатроса. Пингвины напутствовали его дружным гвалтом, словно он приходился им добрым другом, с которым они расставались навсегда. Эти громадные птицы могут проделывать перелеты протяженностью до двухсот лье, ни разу не опустившись на твердую землю для отдыха, причем с огромной скоростью. Альбатрос сидел на высокой скале на краю гавани Рождества и смотрел на прибой, пенящийся вокруг рифов. Внезапно он взмыл в воздух, издал пронзительный крик и через минуту превратился в черную точку в вышине. Еще мгновение – и он исчез в пелене тумана, затянувшего горизонт с юга.

Глава II

Шхуна «Халбрейн»

Триста тонн грузоподъемности, рангоут, позволяющий улавливать слабейший ветерок, замечательная быстроходность, великолепные паруса: фок, фор-трисель, марсель и брамсель на фок-мачте, бизань и топсель на грот-мачте, штормовой фок, кливер и стаксель – вот какую шхуну мы поджидали, вот что представляла собой «Халбрейн»!

Команда корабля – капитан, старший помощник, боцман, кок и восемь матросов – в общей сложности включала в себя двенадцать человек, вполне достаточно, чтобы управляться со снастями: Ладно сбита, с медными шпангоутами, с широкими парусами, шхуна обладала прекрасными мореходными качествами и полностью отвечала требованиям, предъявляемым к кораблям, бороздящим океан между сороковыми и шестидесятыми широтами. Одним словом, кораблестроители Биркенхеда вполне могли гордиться своим детищем.

Всеми этими сведениями меня снабдил почтенный Аткинс, сопроводив их похвалами в адрес шхуны!

Капитан выплатил три пятых стоимости «Халбрейн», которой он командовал уже лет пять. Лен Гай плавал в южных морях между Южной Америкой и Африкой, от одного острова к другому. Шхуна была торговым судном, и потому ей не требовалась большая команда. Чтобы охотиться на тюленя и нерпу, потребовался бы более многочисленный экипаж, а также гарпуны, остроги, леска и прочее, без чего невозможны подобные занятия. Однако нападение пиратов не застало бы экипаж «Халбрейн» врасплох: четыре камнемета, запас ядер и гранат, пороховой погреб, ружья, пистолеты, карабины, наконец, абордажные сети – все это служило гарантией безопасности судна. Кроме того, марсовые никогда не смыкали глаз: плавать по этим морям, не заботясь об охране, было бы недопустимым ротозейством.

Утром 7 августа я еще подремывал, нежась в постели, когда меня разбудили громовой голос хозяина и полновесные удары кулаком в дверь.

– Мистер Джорлинг, вы проснулись?

– Конечно, почтенный Аткинс, как же можно спать при таком шуме?! Что произошло?

– В шести милях к северо-востоку показался корабль, и он держит курс на гавань Рождества!

– Уж не «Халбрейн» ли это? – вскричал я, сбрасывая одеяло.

– Мы узнаем точно через несколько часов, мистер Джорлинг. Во всяком случае, это первый корабль с начала года, так что мы просто обязаны оказать ему должный прием!

Я наскоро оделся и побежал на набережную, где присоединился к Фенимору Аткинсу. Он выбрал местечко, откуда открывался самый лучший обзор, не заслоняемый выступающими в море скалами, окаймлявшими бухту.

Погода стояла довольно ясная, последний туман рассеялся, по воде пробегали лишь невысокие барашки. Благодаря постоянным ветрам небо здесь всегда менее облачное, чем на противоположной оконечности острова.

Человек двадцать островитян – в основном рыбаки – обступили Аткинса, заслужившего славу самого знающего и авторитетного человека на архипелаге.

Ветер благоприятствовал судну. Оно неторопливо плыло с приспущенными парусами, дожидаясь, как видно, прилива.

Собравшиеся затеяли спор, и я, с трудом скрывая нетерпение, прислушивался к спорящим, не пытаясь вмешаться. Мнения разделились, каждый упрямо настаивал на своем.

К моему сожалению, большинство полагало, что перед нами вовсе не шхуна «Халбрейн». Лишь двое или трое осмеливались утверждать обратное. Среди них был и хозяин «Зеленого баклана».

– Это «Халбрейн»! – твердил он. – Где это видано, чтобы капитан Лен Гай не прибыл на Кергелен первым!.. Это он, я уверен, как если бы он уже стоял здесь, трясая меня за руку и выторговывая несколько мешков картофеля для пополнения провианта!

– Да у вас туман в глазах, мистер Аткинс! – возражал кто-то из рыбаков.

– Поменьше, чем у тебя в мозгах, – не отступал тот.

– Этот корабль вовсе не похож на английский! – напирал другой рыбак. – Смотрите, нос заострен, а какая палуба! Вылитый американец!

– Нет, англичанин! Я даже могу сказать, на каких стапелях он построен... Это стапели Биркенхеда в Ливерпуле, там и сделана «Халбрейн».

– Бросьте! – вмешался моряк постарше. – Шхуна построена в Балтиморе, на верфи «Ниппер и Стронг», и первыми водами под ее килем были воды Чесапикского залива.

– Ты бы еще сказал – воды Мерси, простофиля! – стоял на своем почтенный Аткинс. – Протри-ка лучше очки и приглядиись, что за флаг развевается на гафеле!

– Англичанин! – крикнули хором встречающие.

И действительно, над мачтой взмыло красное полотнище – торговый флаг Соединенного Королевства.

Теперь не оставалось ни малейших сомнений, что к причалу гавани Рождества направляется английский корабль. Однако из этого еще не следовало, что он окажется шхуной капитана Лена Гая.

Но прошло два часа, и споры утихли: «Халбрейн» бросила якорь в четырех морских кабельтовых⁴ от берега, в самой середине гавани Рождества.

Радость почтенного Аткинса излилась в приветственной речи, сопровождаемой бурными жестами. Капитан «Халбрейн» вел себя более сдержанно. Лет сорока пяти, краснолицый, такой же коренастый, как и его шхуна, с крупной головой, седеющими волосами, пылающими черными глазами, скрытыми густыми ресницами, загорелый, с поджатыми губами и превосходными зубами, украшающими мощные челюсти, с короткой рыжеватой бородой, сильными руками и твердой поступью – таким предстал передо мной капитан Лен Гай. Он казался не то что суровым, а скорее бесстрастным – человеком, не выдающим своих чувств. Именно таким он и был, по описанию более знающего субъекта, нежели славный Аткинс, как последний ни изображал из себя лучшего друга капитана. По-видимому, никто не мог бы похвастаться тесной дружбой с этим замкнутым моряком.

Субъект, которого я упомянул, был боцман с «Халбрейн» по фамилии Харлигерли, уроженец острова Уайт сорока четырех лет от роду, среднего роста, кривоногий плотный силач с шарообразной головой на бычьей шее и с такой широкой грудью, что в ней вполне поместились бы сразу две пары легких, – кстати, иногда мне казалось, что их там действительно больше, чем положено, настолько шумно сопел этот неугомонный говорун, насмешливо кося глазом и беспрерывно смеясь, отчего под его глазами собирались морщинки, а скулы находились в постоянном движении. Отметим также наличие серьги – одной! – которая болталась в мочке его левого уха. Что за контраст с командиром шхуны! И как только удавалось настолько разным людям ладить друг с другом! И все же они прекрасно ладили, причем уже пятнадцать лет, ибо именно столько времени они проплавали вместе – сперва на бриге «Пауэр», потом на шхуне «Халбрейн», на борт которой взошли за шесть лет до начала этой истории.

Еще не успев оглядеться на берегу, Харлигерли уже узнал от Фенимора Аткинса, что их кораблю предстоит взять на борт меня, если не будет возражать капитан Лен Гай. Вот почему в тот же день боцман подошел ко мне, даже не удосужившись представиться. Он уже знал мое имя и обратился ко мне с такими словами:

– Приветствую вас, мистер Джорлинг!

---

⁴ Кабельтов – единица длины, применяемая в мореходной практике, равна 0,1 морской мили, или 182,5 м.

– И я приветствую вас, дружище! – откликнулся я. – Что вам угодно?

– Предложить вам свои услуги.

– Свои услуги? Это с какой же стати?

– А с той, что вы намерены подняться на борт «Халбрейн».

– Кто вы?

– Боцман Харлигерли, каковым и числюсь в поименном списке экипажа, а также верный спутник капитана Лена Гая, к которому он охотно прислушивается, хоть и заслужил репутацию человека, не желающего слушать никого на свете.

Я решил, что будет разумным и впрямь прибегнуть к услугам этого человека, раз он спешит их мне предложить, тем более что он определенно не сомневался в степени своего влияния на капитана Лена Гая. Поэтому я ответил ему:

– Что ж, дружище, давайте поболтаем, если долг не требует от вас в данный момент присутствия на судне...

– У меня впереди еще два часа, мистер Джорлинг. Впрочем, сегодня у нас немного работы. Да и завтра... Один товар разгрузить, другой загрузить... Все это – попросту отдых для экипажа. Так что, коли вы свободны, как и я...

И с этими словами он увлек меня в глубину порта, явно неплохо ориентируясь в этих местах.

– Разве нельзя поболтать здесь? – удивился я, пытаюсь его удержать.

– К чему разговаривать стоя, мистер Джорлинг, да еще с пересохшим горлом, если можно забраться в уголок в «Зеленом баклане» и, сидя перед чайными чашками, доверху наполненными виски...

– Я не пью, боцман.

– Что ж, тогда я выпью за нас двоих. Но не подумайте, будто имеете дело с пьяницей! Нет! Не больше, чем нужно, но и не меньше!

Я последовал за моряком, которому портовые кабачки были знакомы не меньше, чем океанские волны. Пока почтенный Аткинс оставался на шхуне, выторговывая за свои товары выгодную цену, мы уселись в просторном помещении его таверны. Первыми моими словами, обращенными к боцману, были:

– Я рассчитывал, что Аткинс сведет меня с капитаном Леном Гаем, поскольку их, если я не ошибаюсь, связывает дружба...

– Подумаешь! – бросил Харлигерли. – Конечно, Фенимор Аткинс – славный малый, капитан его уважает. Но со мной он не сравнится! Так что предоставьте это дело мне, мистер Джорлинг!

– Такое ли уж это сложное дело, боцман? Разве на «Халбрейн» не найдется свободной каюты? Мне подойдет любая, даже самая тесная. Я готов заплатить...

– Отлично, мистер Джорлинг! Есть такая каюта по соседству с рубкой, которая до сих пор пустовала, и коли вы согласны вывернуть карманы... Но вообще-то – только это между нами – потребуется больше хитрости, чем это кажется вам и моему старому приятелю Аткинсу, чтобы уговорить капитана Лена Гая взять к себе на борт пассажира. Здесь понадобится вся изворотливость, на которую только способен тот, кто выпьет сейчас за ваше здоровье, сожалея, что вы не составили ему компанию!

И Харлигерли сопровождал свое восклицание выразительным подмигиванием левым глазом при зажмуренном правом. Завершение этой цветистой фразы утонуло в виски, превосходные свойства которого боцман не преминул похвалить, что неудивительно, раз единственным источником для пополнения погребов «Зеленого баклана» был камбуз все той же «Халбрейн».

Затем хитрюга боцман вытащил из кармана короткую черную трубку, щедро набил ее и, крепко зажав коренными зубами, окутался густым дымом, подобно пароходу на полном ходу, так что его лицо совершенно исчезло в сером облаке.

– Мистер Харлигерли! – позвал я его.

– Мистер Джорлинг?..

– Почему вашему капитану может не понравиться идея взять меня на шхуну?

– А потому, что он вообще не берет на борт пассажиров и до сих пор неизменно отвергал предложения такого рода.

– Так в чем же причина, я вас спрашиваю?

– Да в том, что он не любит, когда хоть что-то сковывает его действия. Вдруг ему вздумается свернуть в сторону, на север или на юг, на закат или на восход? Неужели он должен пускаться в объяснения? Он никогда не покидает южных морей, мистер Джорлинг, а ведь мы болтаемся вместе с ним по волнам уже много лет, порхая между Австралией и Америкой, от Хобарта до Кергелена, от Тристан-да-Кунья до Фолклендов, останавливаясь лишь для того, чтобы сбить груз, и забираясь порой в антарктические воды. Сами понимаете, что в таких условиях пассажир может превратиться в обузу. Да и найдется ли человек, которому захочется оказаться на шхуне, несущейся туда, куда влекут ее ветра?

Я уже подумывал, не пытается ли боцман выдать свою шхуну за корабль-загадку, шныряющий по морям, доверившись судьбе, и пренебрегающий заходами в порты, – что-то вроде бродячего призрака высоких широт, подчиняющегося прихоти обуреваемого фантазиями капитана. Поэтому я поспешил спустить его на бrenную землю:

– Как бы то ни было, «Халбрейн» отойдет от Кергелена через четыре-пять дней?

– Верно.

– И пойдет курсом на запад, по направлению к Тристан-да-Кунья?

– Возможно.

– Что ж, боцман, такой маршрут меня вполне устраивает. Коль скоро вы предлагаете мне свое посредничество, то возьмитесь уговорить капитана взять меня пассажиром.

– Считайте, что уже уговорил.

– Вот и чудесно, Харлигерли. Вам не придется в этом раскаиваться.

– Эх, мистер Джорлинг, – проговорил живописный моряк, трясая головой, словно он только что выбрался из воды, – мне никогда не приходится в чем-либо раскаиваться, и я хорошо знаю, что, оказав вам услугу, буду должным образом вознагражден. Теперь же, если позволите, я вас оставляю, не дожидаясь возвращения своего приятеля Аткинса, и вернусь на судно.

И, опорожнив одним глотком последнюю чашку с виски – я даже испугался, не проглотит ли он ее вместе с горячительным напитком, – Харлигерли одарил меня напоследок покровительственной улыбкой. Затем, с трудом удерживая массивное туловище на кривых ногах и извергая из топки своей чудовищной трубки ядовитый дым, он заковылял на северо-восток от «Зеленого баклана».

Оставшись сидеть, я предался противоречивым размышлениям. Кто же он такой на самом деле, этот капитан Лен Гай? Почтенный Аткинс превозносил его как непревзойденного моряка и превосходного человека. Пока ничто не позволяло мне усомниться ни в одном, ни в другом, хотя, если судить по рассказу боцмана, капитан был вдобавок и большим оригиналом. Ни разу до этого мне не приходило в голову, что осуществление моего нехитрого намерения уплыть с архипелага на «Халбрейн» может оказаться сопряженным с какими-либо трудностями, коль скоро я был готов на любую плату и на моряцкое существование. С чего бы Лену Гаю отказывать мне? Разве мыслимо допустить, что он не захочет брать на себя обязательство плыть в заранее оговоренное место потому, что посреди океана ему вдруг взбредет на ум отклониться от маршрута?.. Уж не занимается ли он контрабандой или даже работорговлей? Вполне обоснованное предположение, хотя мой славный хозяин и ручался за «Халбрейн» и ее капитана собственной головой. Из слов Фенимора Аткинса выходило, что перед нами – честный корабль, ведомый честнейшим капитаном. Это что-то да значило, если только Аткинс не

находился во власти иллюзий, ибо он знал капитана Лена Гаю всего лишь постольку, поскольку видел его раз в год во время заходов на Кергелен, где все его занятия оставались всецело в рамках закона и не могли породить ни малейших подозрений.

С другой стороны, я не исключал и того, что боцман, желая придать своему посредничеству больший вес, просто попытался предстать в моих глазах незаменимым человеком, а капитан Лен Гай, напротив, будет только рад занять на борту такого удобного пассажира, каким я себе представлялся, готового не постоять за ценой!..

Спустя час я повстречал в порту хозяина гостиницы и поведал ему о своих сомнениях.

– Ах уж этот Харлигерли! – вскричал он. – Вечно он так! Послушать его, так капитан Лен Гай не высморкается, не спросив совета у своего боцмана. Видите ли, мистер Джорлинг, этот боцман – любопытный субъект: не злокозненный, не глупый, но по части вытягивания у простаков долларов да гиней ему просто нет равных. Горе вашему кошельку, если вы угодите ему в лапы! Лучше крепко застегните все ваши карманы, и наружные, и внутренние, и держите ухо востро!

– Благодарю за совет, Аткинс! Скажите-ка, вы уже переговорили с капитаном Леном Гаем?

– Еще нет, мистер Джорлинг. Времени у нас достаточно. «Халбрейн» едва вошла в гавань и еще не успела развернуться на якоре во время отлива...

– Пусть так, но вы понимаете, что мне хотелось бы узнать свою участь как можно быстрее...

– Немного терпения!

– Я спешу узнать, на что мне рассчитывать.

– Но вам нет нужды тревожиться, мистер Джорлинг! Все уладится само собой. И потом разве на «Халбрейн» свет сошелся клином? В сезон путины в гавани Рождества соберется больше судов, чем рассыпано домишек вокруг «Зеленого баклана». Положитесь на меня, я обеспечу ваше отплытие!

Итак, мне пришлось довольствоваться одними словами: клятвами боцмана и уверениями почтенного Аткинса. Не доверяя их обещаниям, я решил обратиться к самому капитану Лено Гаю и поведать ему о своих чаяниях. Оставалось только встретить его.

Таковая возможность представилась мне только на следующий день. До этого я прогуливался по набережной, разглядывая шхуну и восхищаясь ее изяществом и прочностью. Последнее качество имело особую ценность в этих морях, где льды достигают порой пятидесятой широты.

Дело было во второй половине дня. Приблизившись к капитану Лено Гаю, я понял, что он с радостью уклонился бы от встречи.

Крохотное население гавани Рождества, состоявшее из рыбаков, не пополнялось годами. Лишь изредка кто-то уплывал на рыбацком судне, каких, повторюсь, в те времена бывало в этих водах немало, а кто-то сходил на берег ему на смену. Чаше же капитана поджидали на берегу одни и те же лица, и он знал, должно быть, каждого. Спустя несколько недель, когда одно судно за другим стало бы выпускать на берег свои экипажи, создавая необычное оживление, длящееся, впрочем, не дольше, чем здешний короткий теплый сезон, капитану пришлось бы задуматься, кто же стоит перед ним. Однако сейчас, в августе, пускай и необычно мягком, «Халбрейн» была здесь единственным кораблем.

По-видимому, капитан ни минуты не сомневался, что перед ним чужак. Вид его свидетельствовал либо о том, что он не собирается идти мне навстречу, либо о том, что ни Харлигерли, ни Аткинс еще не осмелились просить за меня. Выбрав второе объяснение, я должен был бы заключить, что, обходя меня за версту, он просто поступает согласно своему необщительному характеру.

Как бы то ни было, я не смог совладать с нетерпением. Если этот неприступный человек ответит мне отказом – что ж, так тому и быть. В конце концов, я даже не был его соотечественником. На Кергелене не было ни американского консула, ни торгового агента, кому я мог бы пожаловаться на неудачу. Мне нужно было выяснить, что меня ждет; если бы я нарвался на твердое «нет», то стал бы ждать другого, более гостеприимного судна, тем более что задержка все равно составила бы не более двух-трех недель.

В тот момент, когда я совсем уже собрался подойти к капитану, к нему присоединился его помощник. Капитан воспользовался этим, чтобы устремиться в противоположном мне направлении, сделав помощнику знак следовать за ним. Мне оставалось лишь наблюдать, как они уходят в глубь порта и исчезают там за скалой.

«Ну и черт с ним!» – пронеслось у меня в голове. У меня были все основания догадываться, что на моем пути вырастут преграды. Но пока партия была всего лишь отложена. Завтра, с утра пораньше, я поднимусь на борт «Халбрейн». Хочется этого капитану Лену Гаю или нет, но ему придется меня выслушать и дать ответ – или «нет», или «да».

К тому же Лен Гай мог прийти в «Зеленый баклан» поужинать, ибо именно там всегда обедали и ужинали моряки. После нескольких месяцев в море любому захочется сменить меню, состоящее обычно из галет и солонины. Более того, этого требует забота о здоровье, и, хотя во время стоянки экипажу подают свежую пищу, офицеры предпочитают питаться в таверне. Я не сомневался, что мой друг Аткинс должным образом подготовился к приему капитана, помощника и боцмана со шхуны.

Дождаясь их появления, я долго не садился за стол. Однако и тут меня поджидало разочарование: ни капитан Лен Гай, ни кто-либо другой со шхуны не почтил этим вечером своим посещением «Зеленый баклан». Мне пришлось ужинать одному, как я делал это ежевечерне вот уже два месяца, ибо, как легко себе представить, клиентура почтенного Аткинса не обновлялась на протяжении всего холодного сезона.

В семь тридцать вечера, покончив с ужином, я вышел в потемки, намереваясь прогуляться вдоль домов. На набережной не было ни души. Единственными источниками света, да и то весьма тусклого, были окна гостиницы. Экипаж «Халбрейн» в полном составе удалился на ночь к себе на шхуну. На приливной волне покачивались привязанные к борту шлюпки.

Шхуна напомнила мне казарму, ибо только в казарме можно заставить служивых улежаться в постели с заходом солнца. Подобные правила должны были быть весьма не по душе болтуну и выпивохе Харлигерли, с радостью посвятившему бы все время стоянки прогулке по кабачкам, будь их на острове числом поболее. Однако и он появлялся в окрестностях «Зеленого баклана» не чаще, чем капитан шхуны.

Я продежурил у шхуны до девяти часов вечера, упорно вышагивая взад-вперед. Корабль погружался во тьму. В воде бухты осталось лишь одно отражение – носового сигнального огня, раскачивающегося на штаге фок-мачты.

Я возвратился в гостиницу и нашел там Фенимора Аткинса, пыхтящего трубкой в дверях.

– Аткинс, – сказал я ему, – держу пари, что капитан Лен Гай разлюбил ваше заведение!

– Он иногда заглядывает сюда по воскресеньям, а сегодня только суббота, мистер Джорлинг.

– Вы с ним не говорили?

– Говорил... – ответил хозяин тоном, в котором слышалось смущение.

– Вы сообщили ему, что один из ваших знакомых хотел бы уплыть отсюда на «Халбрейн»?

– Сообщил.

– Каким же был его ответ?

– Не таким, какого хотелось бы вам или мне, мистер Джорлинг...

– Он отказал?

– Похоже на то. Во всяком случае, вот что он мне ответил: «Аткинс, моя шхуна не берет пассажиров. Никогда прежде не брал их на борт, не стану делать этого и впредь».

Глава III

Капитан Лен Гай

Спал я плохо. Мне то и дело «снилось, будто я вижу сон», если воспользоваться выражением Эдгара По, – то есть я просыпался при первом же подозрении, что мне что-то снится. Проснувшись, я исполнился дурных чувств по отношению к капитану Лену Гаю. Идея покинуть Кергелен на его шхуне «Халбрейн» слишком прочно засела у меня в голове. Почтенный Аткинс добился своего, без устали восхваляя это судно, неизменно открывающее в гавани Рождества летний сезон. Я считал дни, да что там дни – часы и уже видел себя стоящим на палубе этой прекрасной шхуны, оставляющей позади постылый архипелаг и держащей курс на запад, к американскому берегу. У хозяина гостиницы не вызывала ни малейшего сомнения готовность капитана Лена Гая оказать мне услугу, ибо не враг же он собственным интересам! Трудно представить себе, чтобы торговое судно отказалось взять пассажира, если это не связано с изменением маршрута, раз пассажир сулит щедрую плату. Кто бы мог подумать!..

Теперь понятно, почему я задыхался от ярости при одной мысли об этом нелюбезном субъекте. Я чувствовал, как разливается по моему телу желчь, как напряжены мои нервы. На моем пути выросла преграда, и я, как разгоряченный конь, взвизывал на дыбы...

Я провел беспокойную ночь, не в силах унять гнев, и лишь к рассвету отчасти пришел в себя. Я решил объясниться с капитаном Леном Гаем, чтобы послушать его доводы. Возможно, размышлял я, такой разговор ничего не даст, но я по крайней мере облегчу душу.

Почтенный Аткинс уже имел с капитаном беседу, приведшую к известному результату. Что касается услужливого боцмана Харлигерли, то я не знал пока, сдержал ли он обещание, ибо он больше не попадался мне на глаза. Но вряд ли он оказался более удачливым парламентаром, чем владелец «Зеленого баклана».

В восемь часов утра я вышел на берег. Погода стояла прескверная – «собачья», как выражаются французы: с запада мело снегом вперемежку с дождем, а облака плыли так низко, что, казалось, вот-вот обволокут землю. Было трудно себе представить, чтобы капитан Лен Гай вздумал ступить в такое утро на берег.

На набережной и впрямь не было ни души. Несколько рыбацких баркасов оставили гавань еще до шторма и сейчас наверняка прятались в укромных заводях, где их не могли настигнуть ни океанские валы, ни ураганный ветер. Чтобы добраться до «Халбрейн», мне потребовалась бы шлюпка, однако никакой боцман не осмелился бы взять на себя ответственность выслать ее за мной.

Помимо всего прочего, рассуждал я, на палубе своей шхуны капитан чувствует себя хозяином положения, и если я собираюсь упрямыться, не желая принимать его отказ, то лучше делать это на нейтральной территории. Лучше уж я буду высматривать его, сидя у окошка в своей конуре, и, как только его шлюпка устремится к берегу, выйду ему навстречу. Тогда он не сможет уклониться от объяснений!

Вернувшись в «Зеленый баклан», я занял позицию у запотевшего окна и, то и дело вытирая стекло, замер, убеждая себя, что хорошо хотя бы то, что я спрятался от порывов ветра, которому оставалось только бессильно завывать в дымоходе и ворошить пепел в очаге. Я приготовился к терпеливому ожиданию, хотя чувствовал, что нервы мои уже натянуты до предела, как удила у лошади, перебирающей копытами в предвкушении галопа.

Так прошло два часа. Прихотливые ветры Кергелена умили свою ярость раньше, чем утихомирился я. К одиннадцати утра низкие тучи унеслись прочь и буря улеглась. Я открыл окошко.

Как раз в это мгновение на «Халбрейн» приготовились к спуску шлюпки. В шлюпку уселся матрос, взявшись за весла, а на корме устроился еще кто-то, не прикоснувшись к фалре-

пам. Шхуна покачивалась на волнах всего в пятидесяти саженях от берега. Шлюпка преодолела это расстояние за минуту-другую, и человек с кормы ступил на песок. Это был капитан Лен Гай.

Мне хватило нескольких секунд, чтобы выбежать на берег и предстать перед капитаном, тут же изготовившимся к отражению атаки.

– Сэр! – обратился я к нему сухим и холодным тоном – не менее холодным, чем погода, установившаяся из-за восточных ветров.

Капитан Лен Гай пристально посмотрел на меня, и в его черных глазах я увидел грусть. Голос его был тих и скорее напоминал шепот.

– Вы иностранец?

– Во всяком случае, я не житель Кергелена, – ответил я.

– Англичанин?

– Нет, американец.

Он резким движением ладони отдал мне честь. Я ответил ему таким же приветствием.

– Сэр, – продолжил я, – полагаю, что почтенный Аткинс, хозяин «Зеленого баклана», говорил с вами о моем предложении. Мне кажется, что такое предложение должно быть воспринято благосклонно, ибо вы...

– Предложение об отплытии на моей шхуне? – прервал меня капитан Лен Гай.

– Совершенно верно.

– Сожалею, сэр, но я не могу удовлетворить вашу просьбу.

– Не скажете ли, по какой причине?

– Потому что у меня нет привычки брать на борт пассажиров – это первое.

– А второе, капитан?

– Маршрут шхуны «Халбрейн» никогда не прокладывается заранее. Она выходит в море, направляясь в один порт, а оказывается совсем в другом, если я вижу в этом резон. Учтите, что я не нахожусь на службе у судовладельца. Шхуна – почти полная моя собственность, и я не подчиняюсь в плаваниях ничьим приказам.

– Выходит, вам одному и решать, брать ли меня на борт...

– Это так, но мне приходится ответить вам отказом – к моему величайшему сожалению.

– Возможно, вы примете иное решение, узнав, что для меня не имеет значения, куда следует ваша шхуна. Мне достаточно уверенности, что она куда-то да следует...

– Вот именно – «куда-то».

Мне показалось, что при этих словах капитан Лен Гай устремил взор на юг.

– Так вот, сэр, – не унимался я, – мне почти безразлично, куда вы плывете. Мне просто не терпится убраться с Кергелена, воспользовавшись первым предоставившимся случаем.

Капитан Лен Гай ничего не ответил, погружившись в раздумья, однако я видел, что он пока не стремится спастись от меня бегством.

– Имею ли я честь владеть вашим вниманием, сэр? – с живостью спросил я.

– О да.

– Тогда позвольте мне добавить к сказанному, что если я не ошибаюсь и если в дальнейший маршрут вашей шхуны не внесено изменений, то в ваши намерения входило уйти из гавани Рождества в направлении Тристан-да-Кунья?

– Возможно, на Тристан-да-Кунья, возможно, к мысу Доброй Надежды, возможно, на Фолкленды, возможно, еще куда-то...

– Так вот, капитан Гай, именно «еще куда-то» я и желал бы направиться! – вскричал я, не скрывая иронии, но стараясь сдержать раздражение.

С этой минуты манера капитана Лена Гая решительно переменилась. Он заговорил более резко и отрывисто. Ограничиваясь самыми точными и необходимыми словами, он дал мне понять, что настаивать дальше нет никакого смысла, что наша беседа и так слишком затяну-

лась, что ему дорого время, что дела требуют его присутствия в конторе порта и что мы уже сказали друг другу все, что могли...

Я протянул руку, чтобы удержать его – вернее, просто схватить за рукав, – и наш разговор, так неудачно начавшийся, мог бы завершиться еще более плачевно, если бы этот странный человек не повернулся ко мне и не произнес более мягким голосом такие слова:

– Можете поверить, сэр, что мне нелегко отвергать просьбу о помощи, звучащую из уст американца. Однако я не могу поступить иначе. Во время плавания «Халбрейн» может случиться непредвиденное, и тогда присутствие на борту пассажира, даже такого необременительного, как вы, превратится в серьезную помеху и мне придется от многого отказаться. Вот чего я стремлюсь избежать.

– Я уже говорил вам, капитан, и готов повторить еще раз, что в мои намерения входит возвратиться в Америку, в Коннектикут, но при этом мне совершенно безразлично, когда эти намерения осуществляться – через три месяца или через шесть – и каким путем мне придется для этого пройти. Пусть даже ваша шхуна окажется во льдах антарктических морей...

– Антарктических морей?! – изумленно вскричал капитан Лен Гай, насквозь пронзая меня взглядом, словно это был не взгляд, а острое копьё. – Почему вы говорите об антарктических морях? – переспросил он, хватая меня за руку.

– Я мог бы с тем же успехом упомянуть и северные моря. Для меня все едино – что Северный полюс, что Южный...

Капитан Лен Гай ничего не ответил, но мне показалось, что в его глазах блеснули слезы. Потом, желая, видимо, покончить с этой темой, связанной для него с какими-то мучительными воспоминаниями, он проговорил:

– Кто же осмелится двинуться к Южному полюсу?..

– Достичь его было бы нелегким делом, – отвечал я, – да к тому же и бесполезным. Однако встречаются любители приключений, способные на подобные авантюры.

– Вот именно, авантюры... – прошептал капитан Лен Гай.

– Между прочим, Соединенные Штаты рискнули послать туда группу кораблей под командованием Чарльза Уилкса⁵ – «Ванкувер», «Морскую свинью», «Фазана», «Летучую рыбу» – да еще вспомогательные суда...

– Вы говорите, Соединенные Штаты, мистер Джорлинг? Вы утверждаете, что федеральное правительство направило в южные моря целую экспедицию?..

– Это факт. В прошлом году, еще до отплытия из Америки, я узнал, что эти корабли вышли в море. С тех пор минул год, и вполне вероятно, что отважный Уилкс забрался дальше, чем другие первооткрыватели, побывавшие в тех широтах до него.

Капитан Лен Гай надолго умолк. Наконец его труднообъяснимое молчание было прервано следующими словами:

– Как бы то ни было, даже если Уилксу и удастся пересечь Южный полярный круг и преодолеть паковые льды, сомнительно, чтобы он достиг более высоких широт, чем...

– Чем его предшественники Беллинсгаузен⁶, Форстер⁷, Биско⁸, Моррелл⁹, Кемп¹⁰, Баллени¹¹? – подхватил я.

---

⁵ Уилкс Чарльз (1798–1877) – американский морской офицер.

⁶ Беллинсгаузен Фаддей Фаддеевич (1778–1852) – русский мореплаватель, адмирал. В 1819–1821 гг. возглавлял кругосветную экспедицию в Антарктику на шлюпах «Восток» (командир Ф. Ф. Беллинсгаузен) и «Мирный» (командир М. П. Лазарев), важнейшим итогом которой было открытие Антарктического материка.

⁷ Форстер Иоханн Георг Адам (1754–1794) – немецкий путешественник и писатель; сопровождал капитана Кука в его путешествии вокруг света.

⁸ Биско Джон (1791–1843) – английский антарктический исследователь. В 1830–1832 и 1833–1834 гг. предпринял плавание в антарктические воды для поисков новых мест зверобойного промысла. В 1831 г. открыл Землю Эндерби, названную так в честь братьев Эндерби, владельцев фирмы, финансировавшей экспедицию.

⁹ Моррелл Бенджамин (1795–1839) – американский мореплаватель, в 1822–1824 гг. на шхуне «Оса» совершил плавание

– Чем... – вымолвил было капитан. – Вы родом из Коннектикута, сэр? – неожиданно спросил он.

– Из Коннектикута.

– А точнее?

– Из Хартфорда.

– Вам знаком остров Нантакет?

– Я бывал там несколько раз.

– И вы, должно быть, знаете, – продолжал капитан Лен Гай, глядя мне прямо в глаза, – что именно там родился герой вашего писателя Эдгара По Артур Гордон Пим?

– Действительно, – отвечал я, – я припоминаю... Сперва действие романа происходит на острове Нантакет.

– Вы сказали «романа»? Вы воспользовались именно этим словом?

– Безусловно, капитан...

– Да... Вы говорите так же, как и все остальные... Но прошу меня извинить, сэр, я не могу больше задерживаться. Сожалею, искренне сожалею, что не смогу оказать вам услугу. Не воображайте, что, поразмыслив, я изменю отношение к вашему предложению. Да и ждать вам осталось всего несколько дней! Скоро начнется сезон... В гавани Рождества бросят якорь торговые и китобойные суда, и вы легко сядете на одно из них, будучи уверенным, что оно доставит вас именно туда, куда следует. Сожалею, сэр, весьма сожалею. Позвольте откланяться!

С этими словами капитан Лен Гай ретировался, завершив нашу встречу не совсем так, как я опасался... то есть я хочу сказать, что ее завершение было скорее любезным, нежели отчужденным.

Поскольку нельзя и есть нельзя, сколько ни упрямысь, я расстался с надеждой выйти в море на борту шхуны «Халбрейн», затаив обиду на ее несговорчивого капитана. И все же признаюсь, что с того дня мне не давало покоя любопытство. Я чувствовал, что в душе этого моряка скрывается какая-то тайна. Неожиданный оборот, который принял наш разговор, столь внезапно прозвучавшее имя Артура Пима, вопросы насчет острова Нантакет, впечатление, произведенное на него новостью об экспедиции в южные моря под водительством Уилкса, утверждение, что американский мореплаватель не продвинется дальше на юг, чем... Кого же собирался назвать капитан Лен Гай? Все это давало богатую пищу для размышлений моему беспокойному уму.

В тот же день Аткинс поинтересовался, проявил ли капитан Лен Гай стоворчивость и добился ли я его согласия занять одну из кают на борту шхуны. Я был вынужден сознаться, что в переговорах с капитаном мне сопутствовало не больше удачи, чем хозяину гостиницы. Аткинс был этим весьма удивлен. Он не понимал причин отказа. В чем подоплека подобного упрямства? Он не узнавал старого знакомого. Отчего такая перемена? Более того – и это уже прямо касалось его, – вопреки традиции, сложившейся во время былых стоянок, ни команда «Халбрейн», ни офицеры шхуны на этот раз не наведывались в «Зеленый баклан». Казалось, экипаж подчиняется какому-то приказу. Раза два-три за неделю в таверне объявился боцман, но этим дело и ограничилось. Неудивительно, что почтенный Аткинс был весьма огорчен подобным оборотом дел.

Что касается Харлигерли, неосторожно похваставшегося своим влиянием на капитана, то я понял, что он не хочет продолжать со мной отношения, раз из этого все равно ничего не выходит. Не могу утверждать, что он не пытался преодолеть упрямство своего капитана, однако было ясно: капитан оставался непоколебим, как скала.

в южные моря.

¹⁰ *Кемп Питер* – английский мореплаватель, шкипер зверобойного судна «Магнет».

¹¹ *Баллени Джон* – англичанин, китобой, в 1839 г. открыл острова, названные его именем.

На протяжении последующих трех дней – 10, 11 и 12 августа – на шхуне кипели работы по ремонту и пополнению запасов. Матросы то и дело появлялись на палубе, карабкались по снастям, меняли такелаж, укрепляли ванты и бакштаги, провисшие во время последнего перехода, покрывали свежей краской релинги, полинявшие от морской соли, крепили на реях новые паруса и чинили старые, которые еще могли сгодиться при благоприятной погоде, и конопатили трещины на боковой обшивке и на палубе.

Все эти работы протекали с редкой слаженностью, совершенно без криков и ссор, которые обычно вспыхивают среди матросов, пока их судно стоит на якоре. Экипаж «Халбрейн», судя по всему, беспрекословно подчинялся командам, соблюдал строжайшую дисциплину и не любил громких разговоров. Видимо, исключение составлял один боцман – он показался мне смешливым добряком, не чуряющимся шуток и болтовни. Но, вероятно, язык развязывался у него только на твердой земле.

На берегу прослышали, что 15 августа шхуна выходит в море. Накануне этого дня мне и в голову не могло прийти, что капитан Лен Гай отменит категоричное решение. Да я и не мечтал об этом. Я смирился с неудачей и не собирался никого в ней винить. Я бы не позволил Аткинсу вторично просить за меня. Когда мне доводилось сталкиваться с капитаном Леном Гаем на набережной, мы делали вид, что не знаем друг друга и видимся впервые. Он шел своей дорогой, я – своей. Должен, однако, отметить, что раза два замечал в нем какое-то колебание... Мне казалось даже, что он хотел ко мне обратиться, побуждаемый какими-то таинственными соображениями. Однако он так и не сделал этого, а я не из тех, кто склонен бесконечно выяснять отношения. Вдобавок – я узнал об этом в тот же день – Фенимор Аткинс пренебрег моим запретом и вновь просил за меня капитана, впрочем, ничего не добившись. Дело было, как говорится, закрыто. Однако боцман придерживался на этот счет иного мнения. В разговорах с хозяином «Зеленого баклана» он утверждал, что об окончательном проигрыше говорить рано.

– Вполне возможно, – твердил он, – что капитан еще не произнес последнего слова.

Однако полагаться на утверждения этого красная была бы не меньшей ошибкой, чем вводить в уравнение заведомо неверную величину, так что я относился к предстоящему отплытию шхуны с полнейшим безразличием. Я хотел дожидаться появления на горизонте других кораблей.

– Пройдет неделя-другая, – успокаивал меня хозяин гостиницы, – и вы будете так счастливы, как никогда не были бы, возьми вас капитан Лен Гай к себе на борт. Вас ждет ни с чем не сравнимая радость...

– Несомненно, Аткинс, только не забывайте, что большинство судов, приходящих на Кергелен для ловли рыбы, остаются в этих водах на пять-шесть месяцев, так что мне придется долго дожидаться, прежде чем я выйду на одном из них в открытое море.

– Большинство, но не все, мистер Джорлинг, не все! Некоторые заходят в гавань Рождества на денек-другой, не более. Случай не заставит себя ждать, и вам не придется раскаиваться, вспоминая упущенный вместе с «Халбрейн» шанс...

Не знаю, пришлось бы мне раскаиваться или нет, но ясно одно: мне было предначертано свыше покинуть Кергелен в роли пассажира шхуны, благодаря чему я пережил куда более невероятные приключения, чем все то, что было описано в истории мореплавания.

Вечером 14 августа, примерно в семь тридцать, когда на остров опустилась ночь, я отужинал и вышел прогуляться по северной оконечности бухты. Погода стояла сухая, в небе мерцали звезды, щеки пощипывал холод. Прогулка обещала быть короткой. И действительно, уже через полчаса я счел за благо отправиться в обратный путь, на огонек «Зеленого баклана». Но в это мгновение мне повстречался человек. Увидев меня, он, немного поколебавшись, остановился.

Было уже совсем темно, поэтому мне было нелегко разглядеть его лицо. Однако негромкий голос, переходящий в шепот, не оставлял никаких сомнений: передо мной стоял капитан Лен Гай.

– Мистер Джорлинг, – обратился он ко мне, – завтра «Халбрейн» поднимает паруса. Завтра утром, с приливом...

– К чему мне это знать, – отвечал я, – раз вы отказали мне?..

– Я поразмыслил и переменял решение. Если вы не передумали, вы можете подняться на борт завтра в семь утра.

– Честное слово, капитан, я уже не чаял, что вы ляжете на другой галс!

– Повторяю, я передумал. Кроме того, «Халбрейн» направится напрямиком на Тристан-да-Кунья, а это вам как раз на руку, верно?

– Как нельзя лучше, капитан! Завтра в семь утра я буду у вас на борту.

– Для вас приготовлена каюта.

– Что касается платы, то...

– Поговорим об этом позже, – отвечал капитан Лен Гай. – Вы останетесь довольны. Значит, до завтра.

– До завтра.

Я протянул этому непостижимому человеку руку, чтобы скрепить нашу договоренность рукопожатием, однако он, видимо, не разглядел моего жеста в кромешной тьме, потому что, не приняв руки, быстрым шагом удалился к своей шлюпке. Несколько взмахов весел – и я остался в темноте один.

Я был несказанно удивлен. Не меньшим было удивление почтенного Аткинса, которого я посвятил в дело, лишь только переступил порог «Зеленого баклана».

– Вот видите, – проговорил он, – выходит, старая лиса Харлигерли был прав! А все-таки этот его чертов капитан ведет себя как невоспитанная и капризная девица! Не передумал бы он еще раз, уже перед самым отплытием!

Я отнесся к этой гипотезе как к совершенно невероятной, тем более что действия капитана не указывали, на мой взгляд, ни на капризность, ни на склонность предаваться фантазиям. Если капитан Лен Гай пересмотрел свое решение, то потому, видимо, что усматривал какой-то интерес в том, чтобы заполучить меня на борт в качестве пассажира. Может быть, этой переменной я был обязан своим словам о Коннектикуте и острове Нантакет. Будущее покажет, почему это вызвало у него такой интерес...

Я быстро собрался. Я никогда не обременяю себя неподъемным багажом и могу объехать мир, довольствуясь дорожной сумкой и небольшим чемоданчиком. Больше всего места заняла меховая одежда, необходимая в высоких широтах...

Утром 15 августа, не дожидаясь восхода солнца, я простился со славным Аткинсом, моим внимательным и чутким соотечественником, нашедшим счастье на затерянных в океане островах Отчаяния. Достоинейший малый расчувствовался, услышав слова благодарности. Однако он ни на секунду не забывал, что мне надо побыстрее очутиться на борту, ибо продолжал опасаться, как бы капитан Лен Гай не сменил галс еще раз. Он даже признался, что несколько раз ночью подходил к окошку, дабы удостовериться, что «Халбрейн» еще не снялась с якоря. Опасения, которых я, впрочем, совершенно не разделял, оставили его только при проблесках зари.

Почтенный Аткинс пожелал проводить меня до самой шхуны, чтобы лично проститься с капитаном и боцманом. Мы погрузились в шлюпку, ждавшую у берега, и вскоре поднялись на борт корабля.

Первый, кого я там встретил, был Харлигерли. Он торжествующе подмигнул мне, что явно означало: «Вот видите! Наш упрямый капитан все-таки сдался! И кому вы этим обязаны, если не бравому боцману, сделавшему для вас невозможное?»

Действительно ли дело обстояло так? У меня были все основания придерживаться иного мнения. Но в конце концов это было уже не важно. Главное, «Халбрейн» поднимала якорь и выходила из гавани со мной на борту!

Не прошло и минуты, как на палубе появился капитан Лен Гай, который словно и не заметил моего присутствия, чему я не удивился, ибо был готов к любым сюрпризам.

Приготовления к отплытию шли полным ходом: расчехляли паруса, готовили такелаж, фалы и шкоты. Лейтенант, стоя на баке, наблюдал за разворотом шпиля; прошло немного времени – и якорь был подведен к ноку гафеля.

Аткинс приблизился к капитану и проникновенно произнес:

– До встречи через год!

– Если это будет угодно Господу, мистер Аткинс!

Они обменялись рукопожатием. Боцман дождался своей очереди и тоже сильно стиснул руку хозяину «Зеленого баклана», после чего шлюпка доставила того на берег.

В восемь утра, дождавшись прилива, «Халбрейн» распустила паруса, легла на левый галс, покинула гавань Рождества и, очутившись в открытом море, взяла курс на северо-запад.

Наступил день, и острые верхушки Столовой горы и горы Хавергал, взметнувшиеся одна на две, а другая на три тысячи футов над уровнем моря, окончательно скрылись из виду...

Глава IV

От Кергелена до острова Принс-Эдуард

Наверное, ни одно морское путешествие не складывалось поначалу так удачно! Случаю было угодно, чтобы вместо томительных недель бесцельного сидения в гавани Рождества из-за необъяснимого отказа Лена Гая взять меня пассажиром я удалялся от тех безрадостных мест на быстроходной шхуне, подгоняемой веселым ветерком, любуясь лениво плещущими океанскими волнами и наслаждаясь скоростью в восемь-девять миль в час.

Изнутри шхуна «Халбрейн» была не менее совершенна, чем снаружи. Повсюду, от рубки до трюма, царил чистота, роднившая шхуну с образцовым голландским галиотом. Перед рубкой, слева по борту, располагалась каюта капитана, который мог наблюдать за происходящим на палубе через иллюминатор и отдавать приказания вахтенным, дежурящим между грот-мачтой и фок-мачтой. Справа по борту располагалась точно такая же каюта помощника капитана. У каждого было по узкой койке, небольшому шкафчику, плетеному креслу, привинченному к полу столику и лампе, свисающей с потолка. В обеих каютах было множество навигационных приборов: барометры, ртутные термометры, секстанты; судовой хронометр покоился на опилках в дубовой шкапулке и извлекался оттуда лишь при крайней необходимости.

Позади рубки располагались еще две каюты и небольшая кают-компания с обеденным столом, окруженным скамеечками со съёмными спинками.

Одна из этих кают ждала моего появления. Свет в нее проникал через два иллюминатора, один из которых выходил в боковой проход, ведущий к рубке, а другой на корму. Здесь всегда стоял рулевой, держащий штурвал, над которым свисал гик бизани, выходящий далеко за края парусного оснащения, что делало шхуну чрезвычайно быстроходной.

Моя каюта имела восемь футов в длину и пять в ширину. Я привык к лишениям, неизбежным в морских переходах, мне и не требовалось большего пространства; вполне устраивала меня и скудная меблировка: стол, шкаф, кресло, туалетный столик на железных ножках и койка с весьма жиденьким матрасом, вызвавшим бы нарекания у более прихотливого пассажира. Впрочем, переход предстоял короткий: я собирался сойти с «Халбрейн» на Тристан-да-Кунья, так что каюта была предоставлена мне на четыре, максимум на пять недель.

Перед фок-мачтой, смещенной к центру палубы (это удлиняло штормовой фок), прочные найтовы удерживали на месте камбуз. Дальше находился люк, накрытый грубым брезентом. Отсюда шла лестница в кубрик и в трюм. Во время шторма люк задраивали, и в кубрик не проникало ни капли воды, тоннами рушившейся на палубу.

Экипаж состоял из восьми моряков: старшин – парусника Мартина Холта и конопатчика Харди, а также Роджерса, Драпа, Френсиса, Грациана, Берри и Стерна – матросов от двадцати пяти до тридцати пяти лет от роду; все они были англичанами с берегов Ла-Манша и канала Сент-Джордж, все отлично разбирались в своем ремесле и безоговорочно подчинялись дисциплине, насаждавшейся на судне железной рукой, принадлежавшей, однако, отнюдь не капитану.

Человек, которому экипаж подчинялся с первого слова, по мановению руки, был старший помощник капитана лейтенант Джем Уэст, которому шел тогда тридцать второй год.

Ни разу за все годы моих океанских скитаний мне не приходилось встречать человека такого склада. Джем Уэст даже родился и то на воде: детство его прошло на барже его отца, где и обитало все семейство. Он всю жизнь дышал соленым воздухом Ла-Манша, Атлантики и Тихого океана. Во время стоянок он сходил на берег только по делам службы. Если ему приходилось перебираться с одного судна на другое, он просто переносил в новую каюту свой холщовый мешок, чем переезд и завершался. Это была воистину морская душа, не знавшая другого ремесла, кроме моряцкого. Когда он не был в плавании, он мечтал об океане. Он побывал

юнгой, младшим матросом, просто матросом, старшим матросом, старшиной, теперь же дослужился до лейтенанта и стал старшим помощником Лена Гая, капитана шхуны «Халбрейн».

Джем Уэст не стремился к высоким постам; его не влекло богатство; он не занимался куплей-продажей товаров. Другое дело – закрепить груз в трюме: без этого судно не обретет остойчивости. Что же касается тонкостей искусства кораблевождения – установки оснастки, использования площади парусов, маневров на любой скорости, отплытия, вставания на якорь, борьбы с немилосердной стихией, определения широты и долготы – то есть всего того, что относится к совершеннейшему творению человеческих рук, каковым является парусник, – здесь Джем Уэсту не было равных.

Вот как выглядел старший помощник: среднего роста, худощавый, мускулистый, с порывистыми движениями, плечистый, ловкий, как гимнаст, с необыкновенно острым глазом, какой бывает у одних моряков, с загорелым лицом, короткими густыми волосами, бритыми щеками и подбородком и правильными чертами лица, выражавшими энергию, отвагу и недюжинную силу.

Джем Уэст был неразговорчив и ограничивался краткими ответами на задаваемые ему вопросы. Он отдавал команды звонко, четко выговаривая слова, и никогда не повторял их дважды, ибо командира должны понимать с первого слова. Так оно и было.

Я недаром обращаю внимание читателя на этого образцового офицера торгового флота, преданного душой и телом своему капитану и своему кораблю. Казалось, он превратился в необходимейший орган сложнейшего организма – корабля, и это сооружение из дерева, железа, парусины, меди и конопля именно у него черпало одухотворяющую силу, благодаря чему происходило полное слияние творения человеческих рук и Божьего промысла. Если у «Халбрейн» было сердце, то оно билось в груди Джема Уэста.

Я завершу рассказ об экипаже судовым коком. Африканский негр по имени Эндикотт восемь последних лет из своих тридцати проколдовал на камбузах кораблей, которыми командовал капитан Лен Гай. Он и боцман были приятели. Надо сказать, что Харлигерли считался кладезем отменных кулинарных рецептов, которые Эндикотт порой пытался воплотить в жизнь, хотя безразличные к еде посетители каюткомпании никогда не обращали внимания на плоды его героических усилий.

«Халбрейн» вышла в море при самой благоприятной погоде. Было, правда, очень холодно, поскольку на сорок восьмом градусе южной широты август – это зимний месяц. Однако море оставалось спокойным, а ветерок дул как раз оттуда, откуда нужно, – с юго-востока. Если бы такая погода установилась надолго – а на это можно было надеяться, – то нам ни разу не пришлось бы ложиться на другой галс, наоборот, мы могли бы ослабить шкоты, ибо ветер сам донес бы нас до Тристан-да-Кунья.

Жизнь на борту отличалась простотой и вполне понятной на море монотонностью, в которой было даже некоторое очарование. Ведь путешествие по морю – это отдых в движении, когда так хорошо мечтается под мягкую качку... Я и не думал жаловаться на одиночество. Разве что мое любопытство не могло уняться, ибо я не находил объяснения, почему Лен Гай вдруг передумал и перестал возражать против моего путешествия на шхуне. Спрашивать об этом лейтенанта было бы напрасной тратой времени. Вряд ли бы я смог почерпнуть что-то из его односложных ответов, даже если бы он и знал причину, на что надежд было мало: ведь она наверняка не имела отношения к его обязанностям, а ничем другим он не интересовался. За завтраком, обедом и ужином мы не обменивались и десятком слов. Однако время от времени я ощущал на себе пристальный взгляд капитана. Казалось, ему хочется выпытать у меня что-то, хотя на самом деле вопросы следовало бы задавать мне. В результате помалкивали мы оба.

Впрочем, мне было к кому обратиться, если бы я захотел почесать язык, – к боцману. Вот кто любил поговорить! Однако отнюдь не на интересующую меня тему. Зато он никогда не забывал пожелать мне доброго утра и доброй ночи, причем даже эти пожелания выходили

у него весьма многословными: он неизменно интересовался, доволен ли я жизнью на борту, устраивает ли меня кухня и не следует ли ему посоветовать чернокожему Эндикотту приготовить что-нибудь особенное.

– Благодарю вас, Харлигерли, – ответил я ему как-то раз. – Мне достаточно самой простой пищи. Она мне вполне по вкусу, тем более что у вашего приятеля в «Зеленом баклане» меня кормили не лучше.

– А-а, чертяка Аткинс! Славный вообще-то человек...

– И я того же мнения.

– А как насчет того, мистер Джорлинг, что он, американец, сбежал на Кергелен со всей своей семейкой?..

– Что ж в этом такого?

– Да еще обрел там счастье!

– Это далеко не глупо, боцман!

– Если бы Аткинс предложил мне поменяться с ним местами, то у него ничего бы не вышло – моя жизнь куда приятнее.

– С чем вас и поздравляю, Харлигерли!

– А известно ли вам, мистер Джорлинг, что очутиться на борту такого корабля, как «Хал-брейн», – это удача, какая выпадает всего раз в жизни? Наш капитан не слишком-то речист, это верно, а старший помощник еще реже раскрывает рот...

– Я заметил это, – согласился я.

– И все же, мистер Джорлинг, они настоящие, гордые моряки, смею вас в этом уверить. Вы будете опечалены, когда на Тристан-да-Кунья настанет время расставаться с ними.

– Рад слышать это от вас, боцман.

– Ждать этого придется недолго, коли нас подгоняет такой добрый юго-восточный ветер, а море волнуется лишь тогда, когда китам и кашалотам приходит блажь показаться! Вот увидите, мистер Джорлинг, не пройдет и десяти дней, как мы преодолеем тысячу триста миль, разделяющих Кергелен и острова Принс-Эдуард, а потом деньков пятнадцать – и позади еще две тысячи триста миль до Тристан-да-Кунья!

– Что толку загадывать, боцман... Ведь для этого нужно, чтобы сохранилась столь же благоприятная погода, а нет менее благодарного занятия, чем ее предсказывать. На этот счет существует мудрая морская поговорка, которую неплохо было бы помнить!

Как бы то ни было, погода оставалась отменной, и уже 18 августа пополудни марсовой крикнул с мачты, что видит справа по борту горы, что вздымаются на островах Крозе, лежащих на 42°59' южной широты и 48° восточной долготы, на высоте шестьсот – семьсот саженей над уровнем моря.

На следующий день мы оставили слева по борту острова Поссесьон и Швейн¹², посещаемые только рыбаками в путину. В это время года там обитали только морские птицы, пингины да белые ржанки, прозванные китобоями белыми голубями. На причудливых скалах островов Крозе поблескивали ледники, шероховатая поверхность которых еще долго отражала солнечные лучи, даже когда берега островов давно уже скрылись за горизонтом. Наконец от них осталась лишь белая полоска, увенчанная заснеженными вершинами.

Приближение земли – один из самых волнующих моментов океанского плавания. Я надеялся, что капитан хотя бы по этому случаю прервет молчание и перекинется парой слов с пассажиром своего судна. Однако этого не произошло...

Если предсказаниям боцмана суждено было сбыться, то уже через три дня на северо-западе должны были показаться острова Марион и Принс-Эдуард. Однако шхуна не собиралась приставать к их берегам, ибо запасы воды решено было пополнить на Тристан-да-Кунья.

---

¹² На современных картах остров называется Иль-о-Кошон.

Я уже надеялся, что монотонность нашего путешествия не будет нарушена штормом или какой-либо иной неприятностью. Утром 20 августа вахту нес Джем Уэст. Сняв показания приборов, капитан Лен Гай, к моему величайшему изумлению, поднялся на палубу, прошел одним из боковых проходов к рубке и встал сзади, рядом с нактоузом, поглядывая время от времени скорее по привычке, чем по необходимости, на шкалу.

Заметил ли капитан меня – ведь я сидел совсем рядом? Этого я не знаю. Во всяком случае, он никак не отреагировал на мое присутствие. Я тоже не собирался проявлять к нему интерес, поэтому остался сидеть неподвижно, облокотившись на планшир.

Капитан Лен Гай сделал несколько шагов, свесился над релингами и устремил взор на длинный след за кормой, напоминающий узкую и плоскую кружевную ленту, – настолько резво преодолевала шхуна сопротивление океанской толщи.

Нас мог бы услышать здесь всего один человек – стоящий за штурвалом матрос Стерн, сосредоточенно перебиравший рукоятки, дабы шхуна не уклонялась от курса.

По всей видимости, капитана Лена Гая одолевали в тот момент совсем иные заботы, ибо, подойдя ко мне, он произнес, как водится, вполголоса:

– Мне нужно поговорить с вами...

– Я готов выслушать вас, капитан.

– Я дотянул до сегодняшнего дня, так как, должен сознаться, не слишком расположен к беседам... Кроме того, я не знаю, представляет ли для вас интерес этот разговор...

– Напрасно вы в этом сомневаетесь, – отвечал я. – Разговор с вами наверняка окажется весьма интересным.

Думаю, он не заметил в моем ответе иронии, во всяком случае не подал виду.

– Я весь внимание, – подбодрил я его.

Капитан Лен Гай все еще колебался, словно, решившись на разговор, в последний момент засомневался, не лучше ли было бы и дальше хранить молчание.

– Мистер Джорлинг, – спросил он наконец, – не хочется ли вам узнать о причине, заставившей меня изменить первоначальное решение о вашем присутствии на борту?

– Еще как, капитан! Но я теряюсь в догадках. Возможно, все дело в том, что, будучи англичанином, вы не видели смысла уступать настояниям человека, не являющегося вашим соотечественником?

– Именно потому, что вы американец, мистер Джорлинг, я и решил в конце концов предложить вам стать пассажиром на «Халбрейн»!

– Потому что я – американец? – удивился я.

– А также потому, что вы из Коннектикута...

– Признаться, я никак не возьму в толк...

– Сейчас поймете: мне пришла в голову мысль, что, будучи уроженцем Коннектикута, посещавшим остров Нантакет, вы, возможно, знакомы с семьей Артура Гордона Пима...

– Героя удивительных приключений, о которых поведал наш романист Эдгар По?

– Да – основываясь на дневнике, в котором излагались подробности невероятного и гибельного путешествия по антарктическим морям!

Я был готов поверить, что весь этот разговор с капитаном Леном Гаем – всего-навсего сон. Выходит, он верит в существование дневника Артура Пима!.. Но разве роман Эдгара По – не вымысел, не плод воображения замечательного американского писателя? Чтобы человек в здравом уме принимал это за чистую монету...

Я ничего не отвечал, мысленно спрашивая себя, с кем же на самом деле имею дело.

– Вы слышали мой вопрос? – донесся до меня настойчивый голос капитана Лена Гая.

– Без сомнения, без сомнения, капитан... Только не знаю, правильно ли расслышал его...

– Тогда я повторю его более понятными словами, мистер Джорлинг, ибо мне необходим ясный ответ.

– Буду счастлив прийти вам на помощь.

– Я спрашиваю вас, не были ли вы, находясь в Коннектикуте, знакомы лично с семейством Пимов, обитавшим на острове Нантакет и состоявшим в родстве с одним из видных юристов штата. Отец Артура Пима, поставщик флота, слыл крупнейшим негодником острова. Его сын пережил приключения, о странностях которых сам поведал позднее Эдгару По...

– Странностей могло бы оказаться и куда больше, капитан, поскольку вся история порождена могучим воображением великого поэта... Ведь это – чистый вымысел!

– Чистый вымысел?! – Произнося нараспев это восклицание, капитан Лен Гай умудрился трижды пожать плечами. – Значит, вы не верите?..

– Ни я, ни кто-нибудь еще в целом свете, капитан Гай! Вы – первый, от кого я слышу, что эта книга – не просто роман...

– Послушайте, мистер Джорлинг! Оттого, что этот «роман», как вы изволили выразиться, появился только в прошлом году, описываемые в нем события не делаются менее реальными. Если со времени этих событий прошло одиннадцать лет, рассказ о них не утрачивает достоверности. Остается лишь отыскать разгадку, а этого, возможно, никогда не произойдет...

Капитан Лен Гай, несомненно, лишился рассудка! К счастью, если он утратил разум, то Джем Уэст, не колеблясь, примет на себя командование шхуной. Мне же оставалось только выслушать капитана, а поскольку я неоднократно перечитывал роман Эдгара По и знал его почти наизусть, мне было любопытно, что он скажет о нем.

– Выходит, мистер Джорлинг, – заговорил капитан более резким голосом, дрожание которого выдавало раздражение, – вы не знали семью Пимов и не встречались с ее членами ни в Хартфорде, ни на Нантакете...

– Ни в других местах, – закончил я за него.

– Пусть так! Но остерегайтесь заявлять, что этой семьи не существовало, что Артур Гордон Пим – всего лишь литературный герой, что все его путешествие – плод вымысла!.. Да! Опасайтесь этого, подобно тому как вы опасаетесь отрицать догмы нашей святой Церкви! Разве способен простой человек – хотя бы даже ваш Эдгар По – сотворить такое?

По гневным ноткам, прозвучавшим в тоне капитана Лена Гая, я понял, что мне лучше воздержаться от спора.

– А теперь запомните хорошенько... Речь пойдет о фактах, в которых не приходится сомневаться. Вы сами сделаете из них выводы и, надеюсь, не пожалеете, что взошли на борт «Халбрейн»! В тысяча восемьсот тридцать восьмом году, когда появилась книга Эдгара По, я находился в Нью-Йорке. Я немедленно отправился в Балтимор, где проживала семья писателя, дед которого служил квартирмейстером во время Войны за независимость. Надеюсь, вы не станете оспаривать существование семьи По, хотя и не признаете существование семьи Пимов?

Я хранил молчание, предпочитая не прерывать его бреда.

– Я разузнал кое-что об Эдгаре По, – продолжал он. – Мне показали его дом. Я явился к нему... Но тут меня подстерегло первое разочарование: его в то время не оказалось в Америке и я не смог с ним увидеться.

Я подумал, что это было в высшей степени плачевно, ибо, учитывая непревзойденное внимание, которое проявляет Эдгар По к различным видам безумия, наш капитан наверняка привел бы его в полный восторг...

– К несчастью, – продолжал капитан, – не сумев повстречаться с Эдгаром По, я не смог узнать ничего нового и об Артуре Гордоне Пиме... Этот отважный пионер антарктических земель умер. Согласно заключительным строкам книги американского поэта, публика была осведомлена о его смерти, поскольку о ней сообщали газеты...

Капитан Лен Гай говорил чистую правду; но я, как и все прочие читатели романа, полагал, что это сообщение также было вымыслом романиста. Не посмеяв предложить развязку столь блистательной игры своего воображения, автор решил убедить читателей в том, что Артур Пим

не смог предоставить ему трех последних глав, ибо жизнь его прервалась при самых печальных обстоятельствах, неизвестных, впрочем, автору в необходимых подробностях.

– Итак, Эдгар По отсутствовал. Артура Пима уже не было в живых, поэтому мне оставалось одно: найти человека, сопровождавшего Артура Пима в его путешествии, – Дирка Петерса, следовавшего за ним до самых высоких широт, откуда оба они вернулись неведомым способом. Прodelали ли они обратный путь бок о бок? Книга не проясняет этого, как и многого другого. Однако Эдгар По сообщает, что Дирк Петерс мог бы поведать кое-что из того, что должно было составить сюжет неопубликованных глав, и что он проживает в Иллинойсе. Я направился в Спрингфилд и навел там справки об этом человеке – индейце-полукровке. Оказалось, что искать его надо в местечке под названием Вандалия. Я добрался и туда...

– Но его там не оказалось? – не смог я сдержать улыбку.

– Второе разочарование: его там не оказалось, вернее, он там больше не жил. Уже много лет тому назад Дирк Петерс покинул Иллинойс и сами Соединенные Штаты, чтобы отправиться... неизвестно куда! Однако я побеседовал в Вандалии с людьми, знавшими его, у которых он жил до отъезда и которым рассказывал о своих приключениях, так и не обмолвившись, впрочем, об их развязке, оставшись единственным обладателем тайны.

Как же так? Выходит, что Дирк Петерс существовал и жив по сию пору? Я чуть было не заразился уверенностью Лена Гая. Еще мгновение – и я спятил бы так же, как и он...

Так вот какая тайна мучила капитана Лена Гая, вот что расстроило его ум! Он вообразил, что и впрямь ездил в Иллинойс и видел в Вандалии людей, знавших Дирка Петерса! Я охотно верил в исчезновение Дирка: ведь он существовал только в воображении романиста! Однако я не перечил капитану, чтобы не усугубить его состояния. Я делал вид, будто верю ему, даже когда он сказал:

– Как вам известно, мистер Джорлинг, в книге говорится о бутылке с запечатанным в нее письмом, которую капитан шхуны, взявшей на борт Артура Пима, спрятал у подножия горы на Кергелене.

– Да, там действительно рассказано об этом, – согласился я.

– Так вот, недавно я предпринял поиски места, где должна была находиться эта бутылка... И я нашел и ее, и само письмо, в котором сказано, что капитан и его пассажир Артур Пим предпримут все возможное, чтобы добраться до южного предела антарктических морей!

– Вы нашли эту бутылку?! – с живостью вскричал я.

– Да.

– И письмо?

– Да.

Я пристально посмотрел на капитана Лена Гая. Подобно всем одержимым, он верил в собственные фантазии. Я чуть было не воскликнул: «Дайте мне взглянуть на письмо!», но вовремя одумался: разве он не мог написать его сам?

Поэтому мой ответ прозвучал осмотрительно:

– Как жаль, капитан, что вы не увиделись в Вандалии с Дирком Петерсом и не узнали, как ему и Артуру Пиму удалось возвратиться. Припомните-ка предпоследнюю главу! Оба путешественника сидят в шлюпке, подошедшей к завесе белых паров... Шлюпка приближается к бездне водопада, но тут перед ней возникает укутанная дымкой человеческая фигура... Дальше – лишь две строчки точек...

– О да, было бы замечательно тогда повстречаться с Дирком Петерсом и узнать о развязке его приключений. Но еще интереснее для меня было проследить судьбу остальных...

– Остальных?.. – вскричал я. – Что вы хотите этим сказать?

– Судьбу капитана и экипажа английской шхуны, подобравшей Артура Пима и Дирка Петерса после страшного кораблекрушения, постигшего «Дельфина», и пронесшей их через полярные льды до острова Тсалал...

– Мистер Лен Гай, – заметил я, словно не ставил больше под сомнение реальность событий, описанных в романе Эдгара По, – разве эти люди не погибли во время нападения на шхуну и при искусственном обвале, устроенном туземцами острова?

– Кто знает, мистер Джорлинг? – прочувствованно отозвался капитан. – Кто знает, не пережил ли кто-нибудь резню и обвал, не вырвался ли кто-нибудь из рук туземцев?

– Но и в этом случае, – упорствовал я, – трудно надеяться, что спасшиеся смогли дожить до наших дней.

– Почему же?

– А потому, что события, о которых мы ведем речь, происходили более одиннадцати лет тому назад...

– Сэр, – отвечал капитан Лен Гай, – раз Артур Пим и Дирк Петерс сумели подняться от острова Тсалал до самой восьмьдесят третьей широты и даже дальше, раз они нашли способ выжить в антарктических широтах, то почему их спутникам, если они не погибли от рук туземцев, не могла улыбнуться удача, почему бы им не добраться до соседних островов, замеченных в пути, почему бы этим несчастным, моим соотечественникам, не начать там новую жизнь? Вдруг кто-нибудь из них до сих пор ждет спасения?

– Вы жертва вашей доброты, капитан, – отвечал я, стараясь успокоить его. – Это невозможно...

– Невозможно? А если все-таки возможно? Если обнаружится материальное доказательство существования этих несчастных, забытых на краю света?

Я не смог ему ответить, ибо после этих слов грудь капитана Лена Гая содрогнулась от рыданий и он отвернулся, устремив взгляд на юг, словно пытаясь разглядеть что-то скрытое за горизонтом.

Оставалось только недоумевать, какие обстоятельства жизни Лена Гая довели его до столь очевидного помешательства. Он сострадал потерпевшим кораблекрушение, с которыми этого на самом деле не происходило – по той простой причине, что и их самих никогда не существовало...

Капитан Лен Гай подошел ко мне вплотную, положил мне руку на плечо и прошептал в самое ухо:

– Нет, мистер Джорлинг, нет, об экипаже «Джейн» еще не сказано последнего слова! Сказав это, он удалился.

Именем «Джейн» называлась в романе Эдгара По шхуна, подобравшая Артура Пима и Дирка Петерса среди обломков «Дельфина». Капитан Лен Гай впервые за весь разговор произнес это слово.

А ведь Гаем звался и капитан «Джейн», которая тоже была английским судном, подумал я. Только что из этого следует? Капитан «Джейн» существовал лишь в воображении Эдгара По, в то время как капитан «Халбрейн» жив и будто бы здоров... Единственное, что есть у них общего, – это фамилия, весьма распространенная, впрочем, в Великобритании... Однако это сходство, продолжал я рассуждать, и стало, видимо, причиной помешательства несчастного капитана. Должно быть, он вбил себе в голову, что приходится родственником командиру «Джейн»! Вот и причина его состояния, вот почему он потерял покой, испытывая острую жалость к жертвам вымышленного кораблекрушения!

Любопытно, что знает об этом Джем Уэст. Однако вопрос был слишком деликатен, он касался состояния рассудка капитана, и я не решился его затронуть. Кроме того, со старшим помощником было затруднительно вести беседу на любую тему, тем более на столь опасную...

Взвесив все, я решил проявить осмотрительность. В конце концов на Тристан-да-Кунья я сойду на берег – значит, мое путешествие на шхуне завершится уже через несколько дней. Воистину никогда не поверил бы, что мне суждено столкнуться с человеком, уверовавшим в вымысел Эдгара По!

Через день, 22 августа, как только забрезжила заря, мы оставили по левому борту остров Марион с его вулканом, южная вершина которого вздымается на четыре тысячи футов, и впервые заметили вдали очертания острова Принс-Эдуард, лежащего на $46^{\circ}53'$ южной широты и $37^{\circ}46'$ восточной долготы. Но и этот остров исчез у нас за бортом; прошло часов двенадцать – и его скалы растаяли в вечерних сумерках.

Следующим утром «Халбрейн» взяла курс на северо-запад, устремившись к самой северной точке, какой ей предстояло достичь в этом плавании.

Глава V

Роман Эдгара По

Вот вкратце содержание знаменитого произведения американского писателя, увидевшего свет в Ричмонде под названием «Повесть о приключениях Артура Гордона Пима». Мне придется уделить время его пересказу, чтобы стало ясно, были ли основания усомниться в вымышленности его героев. Да и нашелся ли бы среди многочисленных читателей хоть один, кто бы уверовал, хоть на минуту, в их подлинность – не считая, разумеется, капитана Лена Гая?..

Эдгар По ведет повествование от имени главного героя. Уже в предисловии Артур Пим говорит о том, что, вернувшись из путешествия по антарктическим морям, он повстречал среди виргинских джентльменов, проявляющих интерес к географическим открытиям, Эдгара По, в ту пору – редактора журнала «Южный литературный вестник», печатавшегося в Ричмонде. По словам рассказчика, Эдгар По получил от него разрешение печатать в газете «под видом вымышленной повести» первую часть приключений. Публикация была благосклонно принята публикой, в результате чего вышел целый том, в котором повествовалось обо всем путешествии, на этот раз за подписью Эдгара По.

Как явствует из моего разговора с капитаном Леном Гаем, Артур Гордон Пим родился на Нантакете, где он до шестнадцати лет учился в нью-бедфордской школе.

Перейдя из этой школы в другую, которой заведовал мистер Е. Роналд, он подружился с Августом Барнардом, сыном капитана морского корабля, который был старше его на два года. Этот молодой человек уже ходил с отцом в южные моря на китобойном судне; он распалял и без того пылкое воображение Артура Пима, рассказывая о чудесах, которыми изобилуют морские путешествия.

Тесная дружба двух молодых людей положила начало неодолимой тяге Артура Пима к рискованным приключениям, что и привело его в высокие широты Антарктики.

Свою первую вылазку в море Август Барнард и Артур Пим предприняли на утлом шлюпе под названием «Ариэль», принадлежавшем семейству Артура. Как-то вечером друзья, будучи порядком навеселе, невзирая на холодную октябрьскую погоду, тайком проникли на шлюп, подняли паруса и устремились в открытое море, увлекаемые бодрим юго-западным ветром.

Скоро начался шторм. «Ариэль» потерял из виду землю. Отчаянные юнцы были пьяны. Они забыли про штурвал и не подумали взять рифы. Порывы ветра оборвали паруса. Через некоторое время «Ариэль» столкнулся с большим судном, подмявшим его как пушинку.

Далее Артур Пим подробно рассказывает об обстоятельствах их спасения. Благодаря старшему помощнику с судна «Пингвин» из Нью-Лондона, погубившего их посудину, друзей выловили полумертвыми из воды и доставили на Нантакет.

Я вовсе не утверждаю, что уже этому эпизоду не присуще правдоподобие, более того, готов признать, что он правдив. Он умело готовит читателя к последующим главам. Все в книге, вплоть до того дня, когда Артур Пим пересекает полярный круг, вполне достоверно. Читателю предлагается череда событий, которые он с легкостью принимает на веру. Но начиная с полярного круга и южных паковых льдов все меняется, и я не я, если автор не пошел далее на поводу у своего неистощимого воображения... Но продолжим.

Первое приключение не охладило рвения юнцов. Артур Пим все с большим пылом внимал морским рассказам, которыми его потчевал Август Барнард, хоть и подозревал, что они «полны преувеличений».

Спустя восемь месяцев после истории с «Ариэлем», в июне 1827 года, компания «Ллойд и Реденберг» отправляла в южные моря на промысел китов бриг «Дельфин». Это была старая калоша, на скорую руку отремонтированная, зато командовал ею Барнард, отец Августа. Сын капитана предложил Артуру Пиму присоединиться к ним, и того не пришлось упрашивать

дважды; однако семья Артура, особенно матушка, ни за что не соглашалась отпустить его в море. Однако это не могло остановить порывистого юношу. Настойчивые призывы Августа не давали ему покоя. Он решил тайно проникнуть на «Дельфин», поскольку старший Барнард не позволил бы ему нарушить запрет, наложенный семьей. Сказав матери, что собирается провести несколько дней у приятеля в Нью-Бедфорде, он расстался с семьей и отправился в путь. За двое суток до отплытия брига он проник на борт и спрятался в укромном местечке, приготовленном для него Августом втайне от отца и всего экипажа.

Каюта Августа Барнарда соединялась люком с трюмом «Дельфина», заваленным бочками, тюками и всевозможным грузом. Через этот люк Артур Пим и пробрался в свой тайник – простой ящик со сдвигающейся вбок стенкой. В ящике для него были приготовлены матрас, одеяла, кувшин с водой, а также галеты, колбаса, кусок жареной баранины, несколько бутылок спиртного и даже письменный прибор. Артур Пим, захвативший с собой лампу, свечи и фосфорные спички, провел в ящике три дня и три ночи. Август Барнард мог навестить его лишь после того, как «Дельфин» снимется с якоря.

Бриг устремился в море, и уже через час Артур Пим ощутил сильную качку. Не выдержав тесноты ящика, он выбрался на волю и, двигаясь в темноте вдоль натянутой из конца в конец трюма веревки, добрался, спотыкаясь о разный хлам, до люка, ведущего в каюту друга. Затем он проделал обратный путь, залез в свой ящик и уснул.

Прошло немало дней, а Август Барнард все не появлялся. Он то ли не мог, то ли не смел спускаться в трюм, опасаясь выдать Артура Пима, и, наверное, мечтал о том моменте, когда можно будет во всем сознаться папаше.

Артур Пим страдал тем временем от духоты и зловония. Его мучили кошмары. Приступы бреда следовали один за другим. Напрасно искал он в хаосе трюма местечко, где бы легче дышалось. Как-то раз в очередном кошмаре ему привиделся лев, готовый растерзать его своими страшными когтями, и он, не в силах сдержать ужас, огласил трюм отчаянными криками, совершенно забыв об осторожности.

То был, однако, не сон, только Артур Пим ощутил у себя на груди не львиные лапы, а лапы своего ньюфаундленда Тигра, молодого пса, тоже тайком проведенного на борт Августом Барнардом, – обстоятельство, вызывающее, надо сказать, большие сомнения. Верный пес, наконец-то нашедший хозяина, в величайшей радости лизал ему руки и лицо.

Итак, у пленника появился друг. К несчастью, пока Артур валялся в беспамятстве, друг вылакал из кувшина всю воду, и Артур не смог утолить жажду. Лампа погасла, ибо беспамятство длилось не один день, и у пленника не было больше ни свечей, ни спичек. Оставалось одно – призвать на помощь Августа Барнарда. Выбравшись из ящика, Артур стал все так же ощупью пробираться вдоль веревки к люку, едва не ваясь с ног от удушья и истощения. Неожиданно один из многочисленных ящиков, сорвавшись с места от качки, преградил ему путь. Артуру стоило нечеловеческих трудов преодолеть все препятствия, однако усилия оказались тщетными, ибо, добравшись до люка, расположенного под каютой Августа Барнарда, он все равно не сумел его приподнять. Ухитрившись просунуть в щель нож, он понял, что люк прижат чем-то железным, притом очень тяжелым, словно специально для того, чтобы обречь его на гибель. Ему ничего не оставалось, кроме как отказаться от намерения выбраться из трюма. Он вернулся к своему ящику и свалился в него бездыханным, к вящей радости Тигра, который принялся утешать его на свой лад.

Собака и хозяин умирали от жажды. Вдруг, поглаживая Тигра, Артур наткнулся на бечевку, которой оказалось обмотано туловище пса. Под его левой лапой бечевка удерживала клочок бумаги.

Артур Пим умирал от слабости, последние проблески его рассудка уже готовы были померкнуть... Однако после безуспешных попыток высечь огонек он сообразил натереть бумагу фосфором, и только тогда – тут не опишешь всех мельчайших деталей его мучений,

которые живописует Эдгар По, – его глазам предстали страшные слова, завершавшие жуткое послание, тускло засветившееся на какую-то долю секунды: «...кровью... Хочешь жить, не выходи из убежища».

Представьте себе положение, в котором оказался Артур Пим, запертый в трюме, стиснутый стенками ящика, без света, без воды, с одними горячительными напитками, не способными утолить жажду!.. А тут еще призыв продолжать таиться, которому предшествовало слово «кровь» – страшное слово, пропитанное тайной, страданием, ужасом!.. Неужели на борту «Дельфина» разгорелось сражение? Может быть, на бриг напали пираты? Или взбунтовался экипаж? И как долго это длится?

Можно было бы предположить, что, пощекотав читателю нервы такой беспредельно кошмарной ситуацией, поэт исчерпал возможности своего воображения. Но куда там! Его кипучий гений и не думал довольствоваться достигнутым!

Артур Пим, простертый на матрасе и погружившийся в беспокойное забытие, слышит странное хрипение. Это Тигр: он тяжело дышит, его глаза сверкают в темноте, зубы лязгают... Он взбесился!

Вне себя от ужаса Артур Пим собирает все оставшиеся силы и уворачивается от клыков бросившегося на него зверя. Заматавшись в одеяло, раздираемое обезумевшим псом, он умудряется выскользнуть из ящика и запереть там Тигра, которому остается в ярости кидаться на стенки...

Артуру Пиму удастся протиснуться между ящиками, загроздившими трюм. Внезапно у него начинает кружиться голова, он цепляется ногой за сундук и падает, теряя нож. И в тот момент, когда ему осталось только испустить дух, он слышит, как кто-то произносит его имя... Чья-то рука подносит к его рту бутылку с водой. Он делает нескончаемый глоток, по его внутренностям растекается этот ни с чем не сравнимый напиток, ощущает высшее блаженство – и возвращается к жизни.

Проходит несколько минут – и вот уже Август Барнард, забившись в угол трюма, рассказывает ему в неверном свете фонаря о событиях, происшедших на бриге после отплытия.

Этому, повторяю, еще можно с грехом пополам поверить; далее же нас ожидает рассказ о событиях, выходящих своей совершенной невероятностью за пределы разумного.

Экипаж «Дельфина» состоял из тридцати шести человек, включая отца и сына Барнардов. После того как 20 июня бриг распустил паруса, Август Барнард неоднократно пытался добраться до Артура Пима, но тщетно. Прошло три или четыре дня – и на корабле вспыхнул мятеж. Предводителем был корабельный кок, такой же негр, как наш Эндикотт на «Халбрейн», только последнему, спешу оговориться, бунт не привидится и в страшном сне.

Далее повествуется о множестве кровавых событий, стоивших жизни большинству моряков, которые сохранили верность капитану Барнард; в конце концов капитана и еще четверых посадили вблизи Бермудов в китобойную шлюпку, и более читатель ничего о них не узнает. Август Барнард тоже пал бы жертвой бунтовщиков, если бы не заступничество лотового с «Дельфина» Дирка Петерса, метиса из племени упшароков, сына торговца пушниной и индианки со Скалистых гор, – того самого, которого капитан Лен Гай собирался отыскать в Иллинойсе...

«Дельфин» под командованием старшего помощника взял курс на юго-запад, чтобы пиратствовать в южных морях. Что до Августа Барнарда, то он только и думал о том, как бы добраться до Артура Пима, однако его бросили в кубрик с закованными в кандалы руками и ногами, под напутственные слова корабельного кока, что выйдет он оттуда только тогда, когда «бриг перестанет называться бригом». Тем не менее спустя несколько дней Августу Барнард удалось избавиться от кандалов, пропилить тонкую перегородку, отделявшую кубрик от трюма, и двинуться в сопровождении Тигра к ящику, где томился его товарищ. Он не смог до него добраться, но пес, по счастью, учуял хозяина, и Августу Барнард пришла в голову счастливая

идея привязать к шее Тигра записку со словами: «Пишу кровью... Хочешь жить, не выходи из убежища».

Как мы знаем, Артур Пим получил записку. Именно тогда он, умирая от голода и жажды, стал карабкаться по ящикам и выронил нож, звук падения которого привлек внимание его товарища и приблизил их встречу.

Поведав Артуру Пиму эту историю, Август Барнард добавил, что среди бунтовщиков нет единства: одни хотят вести «Дельфин» к островам Зеленого Мыса, другие же, в том числе Дирк Петерс, – в Тихий океан.

Что до Тигра, то его хозяин ошибся – он не взбесился. Просто он потерял терпение от жажды, и Август Барнард спас его, вытащив на бак.

Тем временем проявились недостатки в креплении грузов, недопустимые на торговом корабле, ибо от прочности крепления зависит устойчивость судна. Ящики же, которыми был забит трюм «Дельфина», ездили с места на место при каждой волне, поэтому пребывание в трюме сделалось опасным. С помощью Августа Барнарда он добрался до нижней палубы и спрятался неподалеку от кубрика.

Метис Петерс демонстрировал дружеское расположение к сыну капитана Барнарда, поэтому Август стал задумываться, нельзя ли, опираясь на помощь лотового, вновь овладеть судном. Ждать пришлось недолго. Спустя тринадцать дней после отплытия с Нантакета, а именно 4 июля, среди бунтовщиков вспыхнула ссора: одни хотели пуститься вдогонку за появившимся на горизонте небольшим бригом, другие предпочитали не отвлекаться по пустякам. Ссора привела к гибели матроса, принадлежавшего к партии кока, к которой примыкал и Дирк Петерс; ей противостояли сторонники старшего помощника. В результате на борту осталось всего тринадцать человек, считая Артура Пима.

Следующим испытанием стал страшный шторм, изрядно потрепавший «Дельфина», который дал течь. Пришлось заняться откачиванием воды и прилаживать под носом судна запасной парус, чтобы трюм не заливало водой. Шторм прекратился 9 июля, тотчас Дирк Петерс захотел избавиться от старшего помощника. Август Барнард заверил его в своей поддержке, однако о присутствии на борту Артура Пима упоминать не стал.

На следующий день один из матросов из партии кока, по имени Роджерс, умер в страшных судорогах. Никто не сомневался, что старший помощник отравил его. Теперь на стороне кока осталось всего четверо, в том числе Дирк Петерс. За старшего помощника стояло пятеро, и такой перевес мог сыграть решающую роль.

Нельзя было терять ни часа. Как только метис сообщил Августу Барнарду, что настало время действовать, тот рассказал ему об Артуре Пиме. Пока они договаривались о том, как завладеть судном, на бриг обрушился могучий вал, заваливший его на бок. «Дельфин» кое-как выпрямился, зачерпнув воды, и лег в дрейф под зарифленными парусами фок-мачты.

Это был удобный момент, чтобы нанести удар, хотя бунтовщики заключили между собой перемирие. В кубрике оставалось всего трое – Дирк Петерс, Август Барнард и Артур Пим, а в общей каюте – девять человек. Хорошо вооружен был лишь один из трех – лотовой. У него было два пистолета и кортик. Действовать предстояло очень осторожно.

Артур Пим, о присутствии которого на борту никто из бунтовщиков, за исключением Петерса, не имел понятия, предложил уловку, которая сулила шансы на успех. Поскольку труп отравленного все еще перекачивался по палубе, он сообразил, что, обрядившись в его одежду, внушит ужас суеверным матросам: у них опустятся руки и они подчинятся Дирку Петерсу...

Когда спустилась ночь, метис двинулся к корме. Пользуясь своей гигантской силой, он перебросил рулевого через борт. Август Барнард и Артур Пим присоединились к нему, вооруженные рукоятками от помпы. Оставив Дирка Петерса за штурвалом, Артур Пим, напяливший на себя одежду погибшего, и его товарищ встали у двери каюты. Там собралась вся компания

– старший помощник, корабельный кок и прочие. Кто спал, кто пил, кто болтал, но пистолеты и ружья стояли неподалеку.

На море бушевал шторм, и на палубе было невозможно удержаться на ногах. Старший помощник неожиданно приказал привести Августа Барнарда и Дирка Петерса. Приказ передал рулевому, но за штурвалом стоял Дирк. Он и Барнард-младший ворвались в каюту, а с ними и Артур Пим.

Его появление произвело эффект разорвавшейся гранаты. При виде воскресшего моряка старший помощник в ужасе вскочил, взмахнул в воздухе руками и рухнул замертво. Дирк Петерс воспользовался этим и ринулся вперед, сопровождаемый Августом Барнардом, Артуром Пимом и псом Тигром. Через несколько мгновений все было кончено: одни лежали задубленные, другие – с проломленными головами. Победители сохранили жизнь только матросу Ричарду Паркеру.

Теперь их оставалось всего четверо, чтобы управлять бригом в сильнейший шторм, при том, что вода в трюме поднялась на семь футов. Пришлось рубить грот-мачту; поутру та же участь постигла и фок-мачту. Прошли невероятно трудный день и еще более мучительная ночь. Если бы Дирк Петерс и его подручные не привязали себя к остаткам брашпиля, их смыло бы в море громадными волнами, которые захлестывали «Дельфин».

Дальше в романе подробно описываются последствия шторма и события, происходившие между 14 июля и 7 августа: выживание припасов из залитого водой трюма; появление загадочного брига, забитого трупами, который, наполнив воздух невыносимым смрадом, медленно уплывает прочь, как огромный склеп, подгоняемый издыхающим ветром; муки голода и жажды; невозможность добраться до погребов с провизией; жребий, в ходе которого судьбе было угодно, чтобы Ричард Паркер был принесен в жертву, дабы спаслись остальные; смерть несчастного, сраженного Дирком Петерсом, растерзание его трупа... Позднее из трюма удалось извлечь окорок, кувшин с маслинами, потом – маленькую черепашку... Из-за перемещения груза в трюме «Дельфин» кренился все сильнее... Под палящим солнцем тропических широт муки жажды превосходят доступные человеку пределы... Первого августа умирает Август Барнард. В ночь с 3 на 4 августа происходит неизбежное: бриг опрокидывается. Артур Пим и метис, забравшись на перевернутое днище, питаются моллюсками, покрывающими киль, и в ужасе наблюдают за кружащими поблизости акулами... В конце концов их берет на борт своей шхуны «Джейн» капитан Уильям Гай из Ливерпуля. Это происходит на 25° северной широты¹³.

Безусловно, эти события вполне могли произойти на самом деле, хотя на долю героев выпали совсем уже нечеловеческие страдания. Но посмотрим, насколько правдоподобны события, разворачивающиеся далее.

Артур Пим и Дирк Петерс, нашедшие на английской шхуне избавление от гибели, быстро набирают силы благодаря хорошему уходу и уже через две недели полностью приходят в себя и не вспоминают более о недавних испытаниях – «настолько сила забывчивости пропорциональна степени противоположности наших переживаний». Выдержав череду штилей и штормов, «Джейн» проходит 13 октября мимо острова Принс-Эдуард, затем, продвигаясь в направлении, обратном маршруту нашей «Халбрейн», оставляет позади острова Крозе и подходит к островам Кергелен, которые я покинул одиннадцать дней тому назад.

Три недели ушло у экипажа «Джейн» на промысел тюленей. Во время этой остановки капитан «Джейн» и оставил на острове свою бутылку, в которой его однофамилец со шхуны «Халбрейн» нашел письмо, якобы написанное Уильямом Гаем и сообщающее о его намерении предпринять штурм южных морей.

¹³ У Эдгара По даны другие координаты точки, где Пима и Петерса сняли с обломков брига: 20° северной широты и 13° западной долготы.

Двенадцатого ноября шхуна покинула Кергелен и устремилась на запад, к Тристан-да-Кунья, – точно так же, как это делали сейчас мы. Достигнув этого острова две недели спустя, она простояла у его причала семь дней, после чего вышла 5 декабря в море, дабы достичь островов Авроры с координатами 53° 15' южной широты и 47°58' западной долготы – загадочных островов, которые не удалось отыскать даже этому судну, хотя сперва ему сопутствовала удача.

Двенадцатого декабря «Джейн» устремилась к Южному полюсу. 26 декабря на 73° южной широты были замечены первые айсберги, а чуть позже – паковый¹⁴ лед.

С 1 по 14 января 1828 года шхуну ожидали сложные маневры и пересечение полярного круга в море, забитом льдами; затем паковый лед остался позади и шхуна вышла в чистую воду – знаменитое открытое море, обнаруженное на 81°2' южной широты и 42° западной долготы¹⁵, где температура воздуха составляет 47° по Фаренгейту (плюс 8,33° Цельсия), а воды – 34° (1,11 °C).

Как видите, здесь Эдгар По дал волю фантазии. Никогда ни один мореплаватель не забирался в столь высокие широты – даже капитан британского флота Джеймс Уэдделл¹⁶, который в 1822 году дошел до 74-й параллели.

Но если трудно поверить уже в эти подвиги «Джейн», то что говорить о дальнейших событиях! О них Артур Пим – иными словами, Эдгар По – повествует так, словно не сомневается, что действительно добрался до Южного полюса!

Прежде всего в этом фантастическом море нет айсбергов. Зато над водой носятся несчетные стаи птиц – в том числе пеликанов, одного из которых удалось подстрелить из ружья!.. Путешественники замечают на льдине (выходит, там все же есть льдины!) медведя наподобие полярного, только совсем уж гигантских размеров... Наконец, справа по борту появляется земля – островок окружностью в один лье, который нарекают именем Беннета, совместно с капитаном владеющего шхуной «Джейн». Островок расположен на 82°50' южной широты и 42°20' западной долготы, отмечает в своем дневнике Артур Пим. Призываю географов не наносить на карты антарктических морей этих фантастических координат!

Естественно, что по мере продвижения шхуны к югу колебания стрелки компаса уменьшались, зато температура воздуха и воды неуклонно поднималась, небо же оставалось неизменно безоблачным, а с севера тянуло умеренным ветерком.

К несчастью, среди членов экипажа появились симптомы цинги, и, если бы не настойчивые уговоры Артура Пима, капитан Уильям Гай лег бы на обратный курс.

Само собой разумеется, что в январе в этих широтах властвует полярный день, и «Джейн» не напрасно продолжила рискованное плавание, ибо 18 января в точке с координатами 83°20' южной широты и 43°5' западной долготы показалась земля. Это был остров, часть какого-то архипелага, протянувшегося к западу.

Шхуна приблизилась к острову и бросила якорь на глубине шести саженей. Артур Пим и Дирк Петерс поспешили усесться в шлюпку и устремиться к берегу, однако остановились при виде сразу четырех каноэ, забитых вооруженными людьми – «новыми людьми», как названы они в повествовании.

Действительно, это было что-то новенькое – черные как смоль туземцы, облаченные в звериные шкуры и инстинктивно страшась «белого цвета». Представляю, какой ужас должна была внушать им зима! Должно быть, снег, если он только выпадал там, был черным. Одним словом, чистый вымысел, да и только!

¹⁴ Пак – многолетний дрейфующий морской лед, образующий прочные ледяные поля (толщиной 3–5 м) в полярных бассейнах.

¹⁵ На самом деле этот район моря Уэдделла занят шельфовым ледником Фильхнера.

¹⁶ Уэдделл Джеймс (1787–1834) – английский капитан, открыл море у берегов Антарктиды, которое названо его именем.

Островитяне не проявляли враждебных намерений, а только кричали свое «анаму-му» и «лама-лама». Их каноэ подошли к шхуне, и вождь Ту-Уит поднялся на борт в сопровождении человек двадцати соплеменников. Здесь их ждало невиданное удивление, ибо они принимали корабль за живое существо и ласково гладили его снасти, мачты и релинги. Они провели шхуну среди рифов к гавани, дно которой было устлано черным песком. Капитан Уильям Гай бросил якорь в миле от берега и, предусмотрительно оставив на борту шхуны нескольких заложников, высадился на прибрежные скалы. Остров этот, звавшийся Тсалал, был, если верить Артуру Пиму, полон чудес. Растущие там деревья не походили ни на один из видов, известных в каком-либо уголке планеты. Скалы являли собой напластования пород, которые привели бы в удивление современного геолога. По камням текла непрозрачная жидкость с четко видимыми прожилками, которые не растворялись и не сливались воедино.

На расстоянии трех миль от места высадки располагалось основное поселение острова под названием Клок-Клок. Оно состояло из жалких хижин, крытых звериными шкурами; возившиеся вокруг хижин домашние животные напоминали обыкновенных свиней и черншерстных овец; кроме того, путешественники насчитали двадцать видов птиц, в том числе уток и прирученных альбатросов, а также огромное количество галапагосских черепах.

К моменту прибытия моряков Уильяма Гая в Клок-Клок его население, по мнению Артура Пима, исчислялось десятком тысяч душ – мужчин, женщин и детей, которых не стоило опасаться, но от которых разумнее было держаться в сторонке, настолько крикливым и вызывающим было их поведение. Наконец после посещения жилища Ту-Уита путешественники вернулись на берег, где набрали немало трепангов – моллюсков, столь любимых китайцами, – которые водились здесь в огромных количествах.

Это обстоятельство послужило темой переговоров с Ту-Уитом. Капитан Уильям Гай попросил у него разрешения построить сарай, где несколько человек с «Джейн» занялись бы приготовлением трепангов, покуда шхуна продолжит продвижение к полюсу. Ту-Уит охотно принял предложение и даже пошел на сделку, согласно условиям которой туземцы должны были собирать моллюсков.

Не прошло и месяца, как все было готово. Трем членам экипажа было велено остаться на Тсалале. Подозревать местных жителей в коварных замыслах не было ни малейших оснований. Прежде чем отправиться в путь, капитан Уильям Гай решил посетить напоследок Клок-Клок и оставил на всякий случай на борту шесть человек при заряженных пушках, заготовленных абордажных сетках и поднятом якорю, наказав им отразить любое нападение туземцев.

Ту-Уит и сотня его воинов замыкали шествие. Люди со шхуны стали подниматься по узкому ущелью, окруженному холмами из необыкновенных жирных камней, отдаленно напоминающих стеатиты¹⁷, каких Артур Пим не видывал ни разу в жизни. Пришлось идти чрезвычайно извилистым маршрутом, огибая глыбы в шестьдесят – восемьдесят футов в высоту и сорок футов в ширину. Капитан Уильям Гай и его люди без опаски шагали вперед, почти касаясь друг друга, хотя это место самой природой было приготовлено для засады. Артур Пим, Дирк Петерс и матрос по имени Аллен держались чуть позади остальных.

Оказавшись перед расселиной, ведущей в глубь холма, Артур Пим решил забраться туда, чтобы сорвать пригоршню орешков, гроздьями свисавших с чахлой лещины. Исполнив свое намерение, он собрался было возвращаться, но заметил, что метис и Аллен последовали его примеру и тоже рвут орехи. Все трое уже были готовы поспешить назад на тропу, как вдруг ощутили мощный толчок, от которого попадали с ног. В следующее мгновение мылообразная масса, из которой состояли окружающие холмы, рухнула в ущелье, и все трое решили, что останутся здесь похороненными заживо.

¹⁷ *Стеатит* – плотная горная порода, содержащая обычно около 90 % талька; одна из разновидностей талькита.

Увы! Ошибкой было сказать – все трое: Аллена завалило так сильно, что он перестал дышать.

Передвигаясь на коленях и прокладывая себе путь ножами, Артур Пим и Дирк Петерс добрались до податливых глинистых сланцев, а затем до площадки на краю заросшего деревьями оврага, над которой уже виднелось голубое небо. Оттуда они сумели оглядеть окрестности.

Туземцы устроили искусственный обвал. Капитан Уильям Гай и двадцать восемь его спутников были погребены под миллионами тонн земли и камней...

Окрестности кишели островитянами, прибывшими со всех островов архипелага, чтобы разграбить «Джейн». К шхуне со всех сторон направлялись каноэ с гребцами. Шестеро моряков, оставшихся на судне, встретили их сначала залпом, не причинившим вреда, однако во второй раз прицелились лучше: их ядра и гранаты поубивали несчетное число нападающих. Несмотря на это, «Джейн» была захвачена и предана огню, а ее защитники – смерти. Как только огонь добрался до пороха, прогремел оглушительный взрыв, уничтоживший добрую тысячу туземцев и не меньше покалечивший, после которого оставшиеся в живых пустились наутек, крича на бегу: «Текели-ли, текели-ли!»

Всю следующую неделю Артур Пим и Дирк Петерс, питаясь орехами, мясом болотной выпти и листьями ложечника, скрывались от туземцев, не подозревавших об их присутствии на острове. Укрытием им служила черная бездна, не имевшая выхода, образовавшаяся в стеатите и мергеле¹⁸ с металлическими вкраплениями. Кружа по ней, они спускались в бесчисленные ямы. Эдгар По приводит геометрический план этой ловушки, смахивающий на слово, образованное от арабского корня, значащего «быть белым», а также египетское слово ПФИТРНС, обозначающее «юг».

Итак, американский писатель доходит в этой части книги до совершенной мистики. К тому же я читал не только этот роман, но и другие произведения Эдгара По и полагал, что его гениальность распространяется скорее на сферу чувств, нежели на разум. Разве не прав был один из критиков, написавший: «Его воображение властвует над его умственными способностями... оно само имеет почти божественную силу и проникает в самые глубины взаимосвязей, для него нет секретов, ему с легкостью даются любые аналогии...»

Совершенно очевидно: никто и никогда не усматривал в этой книге ничего, кроме игры воображения! Что же тогда заставило капитана Лена Гая уверовать в истинность событий, не имеющих ничего общего с реальностью, если не безумие?..

Но я продолжаю.

Артур Пим и Дирк Петерс не могли более оставаться в царстве бездонных пропастей; в конце концов им удалось съехать вниз по склону холма. В ту же секунду на них набросились пятеро туземцев. Благодаря пистолетам и невероятной физической силе метиса четверо были убиты. Пятого беглецы уволокли с собой в стоявший у берега челн, нагруженный тремя здоровенными черепахами. Человек двадцать островитян бросились за ними следом, но не смогли им помешать: их нападение было отбито и весельный челн устремился к югу.

Итак, Артур Пим забрался выше восемьдесят третьей широты! Шли первые дни марта, то есть приближалась антарктическая зима. На западе виднелось пять-шесть островов, но путешественники проявили осторожность и не стали к ним причаливать. Артур Пим склонялся к мнению, что по мере приближения к полюсу температура будет повышаться. В челне сладили мачту из двух весел, и на ней захлопал парус, сделанный из рубашек Дирка Петерса и его товарища, – белых рубашек, что усилило ужас пленного туземца, откликавшегося на имя Ну-Ну. Восемь дней продолжалось это странное плавание, которому способствовали несильный

¹⁸ Мергель – осадочная горная порода, состоящая из мелкозернистого кальцита (40–60 %) с примесью доломита.

северный ветерок, полярный день и полное отсутствие льдов. Южнее острова Беннета путешественники ни разу не видели льда, что объяснялось высокой температурой воды.

Вскоре Артур Пим и Дирк Петерс снова достигли удивительных мест. На горизонте поднялась преграда из серых летучих паров, иссеченных длинными штрихами света, напоминающими полярное сияние. На помощь легкому бризу пришло сильное течение. Челн скользил в теплой жидкости, напоминающей по виду молоко и словно бурлящей в глубине. Скоро на море выпал странный беловатый пепел, отчего Ну-Ну прямо-таки зашелся в страхе, широко разевая рот и показывая черные зубы...

Девятого марта удивительные осадки выпали снова, вода сделалась просто горячей, ее уже невозможно было зачерпнуть в ладони... Чудовищная туманная пелена, висевшая у горизонта на юге, напоминала теперь безбрежный водопад, беззвучно низвергавшийся с безумной высоты, с самых небес...

Прошло еще двенадцать дней. Небо померкло. Молочные глубины антарктического океана, растворявшего беспрерывно валившийся с небес пепел, время от времени озарялись вспышками света. Челн все быстрее приближался к водопаду (объяснения этому мы напрасно стали бы искать в повествовании Артура Пима). Изредка пелена исчезала, и за кормой вырастали хаотически мечущиеся фигуры, колеблемые мощными потоками воздуха... Кошмарный мрак пронзали стаи гигантских птиц с мертвенно-бледным оперением, издававших холодящее «текли-ли». Дикарь, ужас которого перешел все границы, не смог этого вынести и испустил дух.

Внезапно челн с бешеной скоростью устремился к циклопическому водопаду, в центре которого разверзлась адская бездна, готовая поглотить все живое... И тут перед глазами путешественников выросла неясная фигура человека, превосходящая размерами любого обитателя земли. Кожа человека белизной напоминала свежавыпавший снег!..

Здесь роман обрывается. По-моему, не будучи в силах представить себе развязку столь невероятных приключений, Эдгар По прервал свое повествование «внезапной и трагической кончиной» своего героя, оставив читателям надежду, что две или три недостающие главы, будь они когда-либо обнаружены, немедленно станут достоянием публики.

Глава VI

Завеса приоткрывается

«Халбрейн» продолжала плыть вперед, подгоняемая ветром и течением. С их помощью она сможет пройти две тысячи триста миль, разделяющие острова Принс-Эдуард и Тристан-да-Кунья, за две недели, причем без единой перемены галса, как и предрекал боцман. Неизменный юго-восточный ветер лишь изредка усиливался, вынуждая команду приспускать паруса.

Капитан Лен Гай доверял Джему Уэсту все парусные маневры, и тот командовал брать рифы в последний момент, когда мачты грозили обрушиться на палубу. Однако я ничего не боялся, ибо с таким моряком не страшна никакая случайность. Он был истинным знатоком своего дела.

– Наш лейтенант ни с кем не сравнится, – заявил мне как-то Харлигерли. – Он вполне мог бы командовать флагманским крейсером.

– Действительно, – согласился я, – Джем Уэст кажется мне прирожденным моряком.

– А наша шхуна! Наша «Халбрейн»! Поздравьте себя, мистер Джорлинг, да и меня в придачу, – ведь это я убедил капитана сменить гнев на милость!

– Если этого добились вы, боцман, то я, конечно, благодарен вам.

– Да, есть за что! Он чертовски упрямылся, наш капитан, а ведь мой приятель Аткинс так старался! Лишь мне удалось заставить его внять голосу разума.

– Я ни за что не забуду этого, боцман: ведь благодаря вам я не томлюсь от скуки на Кергелене, а скоро увижу остров Тристан-да-Кунья!

– Всего через несколько дней, мистер Джорлинг. Я слышал, в Англии и в Америке строят сейчас суда, во чреве у которых работает машина, а за бортами крутятся колеса – что лапы у утки! Что ж, неплохо... Но посмотрим, какой от них будет толк. Я-то считаю, что такой корабль не сможет тягаться с добрым парусником хорошей осадки, подгоняемым свежим ветерком! Умелому моряку вполне хватает доброго ветра, мистер Джорлинг, даже если он дует на три четверти вхолостую, а колеса ему совсем ни к чему.

Я не собирался оспаривать соображения боцмана по поводу использования силы пара в мореплавании. Паровые суда тогда только появились, и на смену колесам еще не пришел винт. Что же до будущего, то кому дано его предсказать?..

Вдруг мне пришло в голову, что и «Джейн» – та самая «Джейн», о которой капитан Лен Гай рассказывал так, словно она существовала на самом деле и он видел ее собственными глазами, – точно так же прошла от острова Принс-Эдуард до Тристан-да-Кунья за две недели. Да, Эдгар По умел заставить служить себе морские ветры!

Впрочем, на протяжении последующих пятнадцати дней капитан Лен Гай не заикался об Артуре Пиме. Если бы он пытался убедить меня в подлинности этой истории, это говорило бы о его невысоких умственных способностях. Не боясь повториться, я спрашиваю еще раз: как человек в здравом уме может принимать такие вещи всерьез? Лишь тот, кто утратил рассудок или по меньшей мере находится во власти навязчивой идеи, подобно Лену Гаю, способен разглядеть в повествовании Эдгара По что-то кроме игры воображения.

Подумать только!.. Английская шхуна достигла 84° южной широты – уже одного этого достаточно, чтобы претендовать на выдающееся географическое открытие! Разве Артур Пим, вернувшийся из Антарктиды, не заткнул бы за пояс Кука, Уэдделла, Биско?

Разве не были бы они с Дирком Петерсом – пассажиры «Джейн», забравшиеся еще выше указанной параллели, – окружены всеобщим почетом? А что сказать об открытом ими море, свободном ото льда?.. О невероятной скорости течений, несших их к полюсу? О воде, которой можно обжечься? О завесе паров на горизонте? О разверзшемся газовом водопаде, позади которого маячат громадные фигуры?..

Да и вообще, не говоря даже об этих несообразностях, остается лишь гадать, как Артуру Пиму и метису удалось вернуться, как они умудрились пересечь на обратном пути полярный круг на лодке, служившей им со времен бегства с острова Тсалал, как их подобрали, как доставили домой – вот что мне было бы любопытно узнать! Спуститься на целых двадцать градусов в утлом веселом суденышке, преодолеть паковые льды, достигнуть земли – и не обмолвиться обо всем этом в дневнике?.. Мне возразят, что Артур Пим скончался, не успев передать издателю последние главы своего повествования. Пусть так! Но кто поверит, что он не обмолвился об этом ни словечком редактору «Южного литературного вестника»? И почему Дирк Петерс, проживший в Иллинойсе еще много лет после этого, хранил молчание о последнем этапе своих приключений?..

По словам Лена Гая, он и вправду добрался до Вандалии, где, если верить роману, обитал Дирк Петерс, только их встрече не суждено было состояться... А как же иначе! Мне остается повторить, что этот персонаж, как и Артур Пим, существовал исключительно в бурном воображении американского поэта. Остается только восхищаться силой его гения, сумевшего убедить некоторых читателей в реальности чистого вымысла!

Однако я понимал, что неуместно вновь заводить этот разговор с капитаном, одержимым навязчивой идеей, и повторять доводы, заведомо не способные его убедить. Он помрачнел, замкнулся и появлялся теперь на палубе только по необходимости. Его взгляд всякий раз устремлялся к югу, словно ему хотелось заглянуть за горизонт...

Быть может, он надеялся увидеть ту самую завесу из пара, густые черные сумерки, вспышки света, льющегося из молочных глубин моря, и белый исполин, указывающий ему путь в пучину водопада?..

Воистину наш капитан страдал престранной манией! К счастью, во всем остальном он сохранил ясность ума, его умение морехода оставалось на прежней высоте, и все страхи, которые закрались было в мое сердце, оказались напрасными.

Меня куда больше интересовало, почему Лен Гай проявлял столь болезненный интерес к людям с «Джейн». Даже если принять на веру рассказ Артура Пима и согласиться, что английская шхуна забралась туда, куда не заходил никто до нее, причина его печали все равно оставалась загадкой. Пусть горстка матросов с «Джейн», ее капитан или офицеры выжили после взрыва и обвала, устроенного туземцами, – разве можно рассчитывать, что они еще живы? Судя по датам, приводимым Артуром Пимом, с тех пор минуло одиннадцать лет, так что несчастные, даже если им удалось отбиться от островитян, никак не могли бы выжить в столь тяжелых условиях и должны были погибнуть все до одного.

Выходит, я тоже проявляю готовность всерьез обсуждать невероятные гипотезы, не опирающиеся на серьезную основу? Еще немного – и я поверю вслед за капитаном в существование Артура Пима, Дирка Петерса, всех их спутников и «Джейн», исчезнувшей за паковыми льдами, окаймляющими южные моря... Неужели безумие капитана Лена Гая заразительно? Я уже отмечаю сходство между маршрутами «Джейн» и «Халбрейн»...

Наступило 3 сентября. Если не будет шторма, то мы должны уже через три дня увидеть порт. Главный остров архипелага расположен таким образом, что в хорошую погоду его можно разглядеть с большого расстояния.

В тот день между десятью и одиннадцатью часами утра я прогуливался по палубе от бака до кормы и обратно. Мы легко скользили по невысоким, ласково плещущим волнам. «Халбрейн» напоминала мне в такие моменты огромную птицу, одного из тех гигантских альбатросов, который, раскинув свои необъятные крылья, уносит приютившихся среди оперения пассажира все дальше и дальше... О да, для человека, наделенного воображением, мы уже не плыли, а летели, ибо хлопки парусов с легкостью можно принять за взмахи белоснежных крыльев!

Джем Уэст, стоявший у брашпиля под сенью штормового фока, прижимал к глазу подзорную трубу и рассматривал какой-то предмет, показавшийся по левому борту в двух-трех милях от нас. Это было нечто неправильной формы, выступавшее из воды на десять – двенадцать ярдов, с выпуклостью в центре, сверкавшей на солнце. Предмет качался на волнах, увлекавших его к северо-западу. Перейдя на бак, я тоже стал смотреть на него. Моего слуха достигли разговоры матросов, с неизменным любопытством встречающих любые сюрпризы моря.

– Это не кит! – провозгласил Мартин Холт, старшина-парусник. – Кит бы уже раза два-три выпустил фонтан!

– Не кит, – подтвердил Харди, старшина-конопатчик. – Наверное, это остов брошенного корабля...

– Пусть плывет себе к дьяволу! – вскричал Роджерс. – Представляете, что было бы, если бы мы столкнулись с ним ночью? Верная пробоина! И пикнуть не успели бы, как потонули!

– Верно, – присовокупил Драп, – эти обломки опаснее рифов: сегодня они здесь, завтра – там... От них не убережешься...

Рядом вырос Харлигерли.

– Ваше мнение, боцман? – обратился я к нему, когда он облокотился на релинг рядом со мной.

Харлигерли внимательно изучил предмет. Шхуна, подгоняемая свежим ветерком, подплывала к нему все ближе, так что теперь гадать уже не приходилось.

– По-моему, мистер Джорлинг, – отвечал боцман, – это не кит и не обломки корабля, а просто-напросто льдина...

– Льдина?... – не поверил я.

– Харлигерли не ошибся, – подтвердил Джем Уэст. – Это и впрямь льдина, кусок айсберга, отогнанный в сторону ветрами...

– И достигший сорок пятой широты? – усомнился я.

– Как видите, – отвечал старший помощник. – Лдины иногда доплывают до мыса Доброй Надежды, если верить французскому мореплавателю капитану Блосвиллю, встретившему льдину в тех широтах в тысяча восемьсот двадцать восьмом году.

– Тогда она скоро растает? – предположил я, удивляясь про себя, что лейтенант Уэст удостоил меня таким пространством ответом.

– Снизу она, должно быть, уже подтаяла, – откликнулся старший помощник. – То, что предстало нашему взору, – видимо, остатки ледяной горы весом в миллионы тонн.

Из рубки вышел капитан Лен Гай. Заметив группу матросов, столпившихся вокруг Джема Уэста, он направился к баку. Помощник передал ему подзорную трубу. Лен Гай навел ее на предмет и объявил, понаблюдав с минуту:

– Льдина, и, на наше счастье, быстро тающая. «Халбрейн» не поздоровилось бы, столкнувшись она с ней ночью...

Лен Гай впился в подзорную трубу. Он стоял, не шелохнувшись, не ощущая качки, с растопыренными локтями, и, демонстрируя завидную выучку, удерживал льдину в поле зрения. На его опаленном солнцем лице бледность боролась с пятнами лихорадочного румянца, с губ слетали невнятные слова.

Прошло несколько минут. «Халбрейн» поравнялась со льдиной. Еще мгновение – и та останется за кормой...

– Повернуть на один румб, – распорядился капитан Лен Гай, не опуская подзорной трубы.

Я догадывался, что творится в голове этого человека, одержимого навязчивой идеей. Кусок льда, оторвавшийся от припая южных морей, приплыл именно оттуда, куда то и дело уносились его мысли. Ему хотелось разглядеть его поближе, возможно, пристать и, кто знает, найти какие-нибудь обломки...

Тем временем боцман, подчиняясь команде, велел слегка расслабить шкоты, и шхуна, отвернув на один румб, устремилась к льдине. Когда мы очутились в двух кабельтовых, я смог рассмотреть ее получше.

Как было заметно и раньше, выпуклость в центре льдины истекала водой, сотнями струек сочившейся вниз. В сентябре месяце, при рано наступившем лете, солнце не даст ей просуществовать долго. К исходу дня от этой льдины, достигшей сорок пятой широты, не останется ровно ничего.

Капитан Лен Гай не сводил взгляда со льдины, не нуждаясь теперь в подзорной трубе. По мере того как мы приближались к льдине, а она таяла, мы начинали различать что-то черное, вмержшее в лед... Каковы же были наши удивление и ужас, когда мы увидели руку, затем ногу, голову, туловище с остатками одежды! Мне даже почудилось, что тело шевелится, что руки тянутся к нам в жесте отчаяния...

Команда ахнула. Но нет, тело не шевелилось, просто оно тихонько скользило вниз по крутому склону льдины...

Я взглянул на капитана. Его лицо стало бледным как у мертвеца, приплывшего из южных морей.

Команда должна была быстро снять тело со льдины – кто знает, возможно, человек еще дышит!.. А если нет, то в карманах его одежды могут найтись документы, позволяющие установить, кто это был! И, прочитав над телом последнюю молитву, мы отдали бы его океану – кладбищу моряков, погибших в плавании...

Со шхуны спустили шлюпку, в которую уселись боцман и на весла – матросы Грациан и Френсис. Развернув стаксель и штормовой фок и загородив бизань, Джем Уэст почти остановил шхуну, закачавшуюся на длинных высоких волнах. Шлюпка пристала, Харлигерли ступил на льдину. Грациан пошел за ним, Френсис же остался в шлюпке, держась за цепь с якорем. Ухватив тело за ногу и за руку, боцман и матрос уложили его в лодку. Несколько ударов весел – и шлюпка стукнулась о борт шхуны.

Обледеневший труп положили под фок-мачтой. Умерший определенно был моряком. На нем были грубый бушлат, шерстяные штаны, латаный свитер, толстая рубаха и ремень, дважды перепоясывавший талию. Смерть, несомненно, наступила уже несколько месяцев назад – вскоре после того, как льдину с несчастным стало уносить течением...

Ему было не больше сорока лет, хотя волосы уже тронула седина. Он был чудовищно тощ – сущий скелет, обтянутый кожей. Должно быть, он испытывал страшные муки голода, пока брел по льдам от полярного круга...

Капитан Лен Гай приподнял мертвую голову, всмотрелся в глаза со смерзшимися ресницами и неожиданно с рыданием в голосе выкрикнул:

– Паттерсон, Паттерсон!

– Паттерсон? – вскричал я.

Мне показалось, что эта фамилия, при всей своей распространенности, напомнила мне о чем-то. Когда-то я ее определенно слышал – или видел в книге?..

Капитан обвел взглядом горизонт, словно собираясь отдать команду немедленно поворачивать на юг... В этот момент боцман, повинувшись приказу Джема Уэста, извлек из кармана погибшего нож, кусок канатной пряжи, пустую табакерку и блокнотик в медной оправе со стальным карандашом.

Капитан резко обернулся и, когда Харлигерли уже готов был протянуть блокнот Джему Уэсту, бросил:

– Дай мне!

Несколько листов блокнота были покрыты размытыми каракулями. Однако на последней странице сохранились слова, еще поддающиеся прочтению, и можете себе представить, какие чувства обуревали меня, пока Лен Гай читал срывающимся голосом:

– «„Джейн“... остров Тсалал... на восемьдесят третьей... Там... уже двенадцать лет... Капитан... пятеро оставшихся в живых матросов... Скорее к ним на помощь...»

Под этими строками можно было разглядеть имя, вернее подпись – «Паттерсон».

Паттерсон! Теперь я вспомнил, кто это: так звали старшего помощника с «Джейн», того самого судна, которое подобрало Артура Пима и Дирка Петерса среди обломков «Дельфина»! «Джейн», добравшаяся до широты острова Тсалал! «Джейн», подвергшаяся нападению островитян и уничтоженная взрывом!..

Значит, все это – чистая правда?! Значит, Эдгар По работал как историк, а не как романист! Ему в руки попал подлинный дневник Артура Гордона Пима! Они знали друг друга! Артур Пим существовал, он был реальным, а не вымышленным лицом! Он умер – внезапно, при невыясненных обстоятельствах, не успев закончить рассказ о своем невероятном путешествии! До какой же параллели он добрался, сбежав с острова Тсалал? И как они с Дирком Петерсом снова очутились в Америке?

Я испугался, что сойду с ума – я, только что обвинявший в сумасшествии капитана Лена Гая! Нет, я чего-то не расслышал, чего-то не понял, это все причуды моего воображения!

Но как отвергнуть свидетельство, найденное на теле старшего помощника с «Джейн» по фамилии Паттерсон, чьи убедительные слова подтверждались достоверными датами?.. И, главное, как можно сомневаться дальше, если Джем Уэст, сохранивший больше спокойствия, чем все остальные, прочитал в блокноте такие обрывки фраз: «Уведены 3 июня на север острова Тсалал... Там... еще... капитан Уильям Гай и пятеро матросов с „Джейн“... Моя льдина дрейфует среди паковых льдов... Скоро у меня кончится еда... 13 июня иссякли последние запасы... Сегодня... 16 июня... ничего не осталось...»

Выходит, тело Паттерсона проплавало на этой льдине, встреченной нами на пути от острова Кергелен на Тристан-да-Кунья, целых три месяца! О, если бы мы успели спасти старшего помощника со шхуны «Джейн»! Он рассказал бы нам то, чего мы так и не узнали – а может быть, и никогда не узнаем, – сокровенную тайну этой ужасной экспедиции!

Я был вынужден признать очевидное. Капитан Лен Гай, знавший Паттерсона в лицо, только что нашел на льдине его замерзший труп... Это действительно был спутник капитана «Джейн», во время стоянки именно он закопал на Кергелене бутылку с письмом, в подлинность которого я отказывался поверить! Да, люди с английской шхуны «Джейн» пробыли на краю света одиннадцать лет, утратив всякую надежду на спасение!..

И здесь меня озарило! Я сопоставил два имени и понял, почему наш капитан проявлял острый интерес ко всему, что хотя бы отдаленно напоминало об истории Артура Пима.

Лен Гай обернулся ко мне и, глядя мне в глаза, сказал всего лишь:

– Теперь вы верите?

– Верю, верю! – пробормотал я. – Значит, капитан Уильям Гай со шхуны «Джейн» и...

– ...Капитан Лен Гай со шхуны «Халбрейн» – братья! – провозгласил он громовым голосом, услышанным всем экипажем.

Наши взоры устремились к тому месту, где только что была льдина, но солнечные лучи и теплые воды здешних широт уже успели сделать свое дело: на поверхности моря от нее не осталось и следа.

Глава VII

Тристан-да-Кунья

Прошло четыре дня, и «Халбрейн» подошла к Тристан-да-Кунья – прелюбопытному острову, который можно смело назвать грелкой африканских морей.

Мы только что пережили нечто невероятное – появление трупа Паттерсона в пятистах лье от полярного круга! Между капитаном «Халбрейн» и его братом, капитаном «Джейн», появилась связующая нить – письмо, доставленное из ледяного плена членом экспедиции Артура Пима. Да, это может показаться неправдоподобным! Но всякие сомнения исчезнут, когда я поведаю о дальнейших событиях.

Я продолжал считать невероятными многие события, изложенные в романе американского поэта. Мой разум восставал против того, чтобы считать их не вымыслом, а фактами. Но мои последние сомнения растаяли вместе с телом Паттерсона, канувшим в океанские глубины.

Не только Лен Гай был кровно заинтересован в раскрытии тайн этой экспедиции. Выяснилось, что старшина-парусник Мартин Холт приходится родным братом одному из лучших матросов «Дельфина», встретившего смерть еще до того, как шхуна «Джейн» пришла на помощь Артуру Пиму и Дирку Петерсу.

Итак, между 83° и 84° южной широты, на острове Тсалал, выжили и провели в отрыве от цивилизации одиннадцать лет семеро английских моряков. Старший помощник капитана умер, теперь их осталось шестеро: капитан Уильям Гай и пятеро матросов с «Джейн» каким-то чудом избежали гибели от рук туземцев из селения Клок-Клок...

Что же предпримет теперь капитан Лен Гай? У меня не оставалось ни малейших сомнений: он сделает все, чтобы спасти моряков со шхуны «Джейн»! Он направит «Халбрейн» вдоль меридиана, указанного Артуром Пимом! Он пробьется к острову Тсалал! Джем Уэст поведет судно туда, куда прикажет капитан. Экипаж, не колеблясь, выполнит любой приказ, и никакой страх перед опасностями, которыми чревата такая экспедиция, – неодолимыми опасностями, – не остановит их... Пыл души капитана воспламенит их сердца, а твердая рука старшего помощника не даст им дрогнуть...

Вот почему капитан Лен Гай отказывался принимать на борт своего корабля пассажиров, вот почему он предупреждал меня, что его маршрут никогда не бывает проложен заранее: он ни на минуту не расставался с надеждой, что ему представится случай ринуться на штурм ледового океана!

У меня были все основания подозревать, что, будь «Халбрейн» уже сейчас готова к столь рискованному плаванию, капитан Лен Гай немедленно отдал бы команду поворачивать на юг... Учитывая условия, на которых меня взяли на борт, я не смог бы уговорить его сперва высадить меня на Тристан-да-Кунья...

Однако было необходимо пополнить запас воды, да и расстояние до острова сокращалось с каждым часом. Кроме того, нужно оснастить шхуну для плавания во льдах, чтобы она могла заплывать дальше, чем Кук, Уэдделл, Биско, Кемп, и попытаться сделать то, на что покушался лейтенант американского флота Уилкс.

Я же сойду на Тристан-да-Кунья и останусь там до прихода другого корабля. Да и «Халбрейн», даже подготовленной к суровому плаванию, придется дожидаться благоприятного времени для пересечения полярного круга. Шла только первая неделя сентября, и лишь через два месяца лето Южного полушария заставит расступиться вечные льды.

Мореплаватели знали уже в те годы: плавания в этих широтах возможны только с середины ноября до начала марта, когда воздух становится теплее, шторма налетают реже, от ледяных полей откалываются айсберги, в вечных льдах появляются полыньи – воцаряется полярный день. Пускаться в плавание раньше было бы безумием. Так что у «Халбрейн» оставалось

время; пополнив запасы воды и продовольствия на Тристан-да-Кунья, зайти для ремонта в более крупный порт на Фолклендах или на побережье Южной Америки.

В ясную погоду остров можно заметить с расстояния восьмидесяти – девяноста миль. Этим и другими сведениями о Тристан-да-Кунья меня снабдил боцман, побывавший здесь не однажды и выступавший поэтому в роли знатока.

Тристан-да-Кунья лежит южнее тех мест, где непрерывно дуют юго-западные ветры. Здешнему мягкому, влажному климату свойственна умеренная температура, не ниже четырех и не выше двадцати градусов тепла. Здесь властвуют западные и северо-западные ветры, зимой же, то есть в августе и сентябре, ветер дует с юга.

Первыми жителями острова стали в 1811 году американец Ламберт и его спутники, занимавшиеся китобойным промыслом. Потом здесь высадились английские солдаты, которым было приказано наблюдать за водами вокруг острова Святой Елены. Они покинули остров только в 1821 году, после смерти Наполеона.

Спустя тридцать-сорок лет на Тристан-да-Кунья будет примерно сотня жителей с довольно симпатичной внешностью – потомков европейцев, американцев и голландцев с мыса Доброй Надежды. Они установят республиканский режим правления с патриархом во главе, причем патриархом будет назначаться отец семейства, в котором больше всего детей. Острова со временем признают над собой суверенитет Великобритании; однако все это произойдет через много лет после того, как в 1839 году в гавань главного острова вошла шхуна «Халбрейн».

Собственные наблюдения привели меня к выводу, что остров Тристан-да-Кунья отнюдь не представляет собой лакомого кусочка суши, хотя в XVI веке он и именовался «Землей жизни». Местная флора ограничена папоротниками, плаунами и пряным злаком, покрывающим нижние склоны гор. Фауна – коровы, овцы и свиньи – составляет единственное достояние острова и является предметом торговли – впрочем, довольно вялой – с островом Святой Елены. С другой стороны, здесь нет ни рептилий, ни насекомых, а из опасных хищников в лесах обитает всего один: одичавшая кошка.

Единственная растительность на острове – жестер – кустарник не выше восемнадцати – двадцати футов. Впрочем, течения прибивают к берегам достаточно бревен, чтобы жителям хватало дров для печей. Из овощей я обнаружил только капусту, свеклу, лук, брюкву и тыкву, а из фруктов – груши, персики и довольно плохой виноград. Что до птиц, они были представлены чайками, буревестниками, пингвинами и альбатросами.

Утром 5 сентября вдали показался высокий вулкан, венчающий главный остров. Его заснеженная вершина возносится в небо на тысячу двести саженей, а в кратере помещается небольшое озерцо. На следующий день глаз уже мог различить древние наслоения лавы на горных склонах. По поверхности океана стелились огромные фукусы – длинные водоросли толщиной с добрый бочонок.

На протяжении трех дней после встречи со льдиной капитан появлялся на палубе только для того, чтобы определить координаты судна. Завершив эту операцию, он немедленно исчезал в своей каюте, и у меня не появлялось более возможности его лицезреть, если не считать обеда. Он был неизменно погружен в молчание, граничащее с немотой, и вывести его из этого состояния нельзя было никакими силами. Мне оставалось только запастись терпением. Я не сомневался, что настанет момент, когда Лен Гай снова заговорит со мной о своем брате Уильяме и о намерении прийти на помощь к нему и его товарищам. Но час еще не пробил. Тем временем 6 сентября шхуна бросила якорь на глубину восемнадцать саженей у северо-западного берега главного острова, в Ансидлунге, в гавани Фалмут – именно тут, согласно рассказу Артура Пима, стояла в свое время шхуна «Джейн».

Я толкую о «главном» острове, поскольку архипелаг Тристан-да-Кунья насчитывает еще два острова помельче: лье в восьми к юго-западу расположен остров Недоступный, а еще в

пяти лье от него – остров Соловыиный. Координаты архипелага – 37°8' южной широты и 13°4' западной долготы.

Острова эти круглые. Тристан-да-Кунья напоминает в плане раскрытый зонтик с окружностью в пятнадцать миль. Симметрично расположенные кратеры устремляются к центру, где находится главный вулкан.

Этот лежащий посреди океана архипелаг был открыт португальцами, которые и дали ему теперешнее название. За ними в 1643 году последовали голландцы, а в 1767 году – французы. Первыми здесь поселились американцы, занявшиеся добычей китов и тюленей. Скоро им на смену явились англичане.

Когда в этих водах стояла «Джейн», маленькой колонией в двадцать шесть душ правил бывший капрал английской артиллерии по фамилии Гласс. Колония вела торговлю с мысом Доброй Надежды, располагая одной шхуной весьма скромной грузоподъемности. К моменту нашего появления у Гласса насчитывалось уже пятьдесят подданных, на которых, как верно подметил Артур Пим, «не распространялась власть британского правительства».

Острова омывает море глубиной от тысячи двухсот до тысячи пятисот саженей; сюда доходит экваториальное течение: преобладают юго-западные ветры; бури редки. Зимой дрейфующие льды проплывают мимо островов и забираются еще градусов на десять к северу, однако никогда не достигают острова Святой Елены – как и крупные киты, не жалующие теплых морей.

Три острова, образующие в плане вершины треугольника, отделены друг от друга проливами шириной миль в десять, преодолеть которые не составляет большого труда. Берега островов отличаются пологостью, а глубина моря вокруг Тристан-да-Кунья составляет сто саженей.

Экипаж «Халбрейн» немедленно по прибытии в гавань установил связь с отставным капралом, проявившим себя весьма благожелательным партнером. Джем Уэст, занявшийся пополнением запасов воды, свежего мяса и овощей, мог смело положиться на Гласса, который спешил помочь, рассчитывая на щедрое вознаграждение, – и не ошибся.

Капитан быстро убедился в том, что «Халбрейн» не сможет здесь толком подготовиться к путешествию в антарктический океан. Что же касается продовольствия, то Тристан-да-Кунья заслуживает всяческих похвал. Многие годы заходившие сюда корабли обогатили местную фауну разными домашними животными – овцами, свиньями, коровами, – а также птицей. В конце же прошлого века капитан американского судна «Индустрия» не нашел на острове других животных, кроме тощих коз. Позднее капитан американского брига «Бетси» Колкхун посадил здесь лук, картофель и прочие овощи, которым плодородие островной почвы обеспечило надежные урожаи. Все это можно почерпнуть из рассказа Артура Пима, а у нас нет отныне оснований не доверять ему.

Я говорю теперь о герое романа Эдгара По как о человеке, существование которого не подлежит сомнению. Между тем Лен Гай больше не заговаривал со мной на эту тему. Сведения, найденные в блокноте Паттерсона, никак не могли быть подделкой, и я бы проявил неучтивость, не признав своих былых заблуждений, тем более что скоро подоспело новое свидетельство, способное рассеять последние сомнения, останься они в моей упрямой голове.

На следующий день после того, как шхуна бросила якорь, я высадился в Ансидлунге и ступил на чудесный пляж из черноватого песка. Мне тут же пришло в голову, что подобный пляж оказался бы вполне уместным на острове Тсалал, хотя у тамошних островитян белый цвет, также не чуждый островам Тристан-да-Кунья, вызывал страшные конвульсии, падение ниц и полную неподвижность. Однако не ошибался ли Артур Пим, описывая столь невероятную реакцию туземцев? Впрочем, если «Халбрейн» доберется до острова Тсалал, все станет ясно...

Я встретился с отставным капралом Глассом – сильным, хорошо сохранившимся здоровяком, физиономия которого показалась мне хитровой, а глаза, несмотря на его шестьдесят

лет, – живыми и проницательными. Вдобавок к торговле с мысом Доброй Надежды и Фолклендами он предлагал купцам с торговых судов шкуры тюленей и морских слонов, и его коммерция явно процветала.

Этот самозванный губернатор, признанный, впрочем, обитателями маленькой колонии законным правителем, был не прочь поболтать, и я завязал с ним разговор, представлявший интерес для нас обоих.

– Много ли у вас останавливается кораблей? – спросил я.

– Ровно столько, сколько нужно, – ответил он, потирая за спиной руки; видимо, это было его давней привычкой.

– В благоприятный сезон? – попытался уточнить я.

– Да, в благоприятный, если считать, что у нас бывают неблагоприятные сезоны.

– Рад за вас, мистер Гласс! Жаль только, что на Тристан-да-Кунья нет настоящего порта, а когда корабль вынужден бросать якорь в открытом море, то...

– В открытом море? Что значит «в открытом море»? – вскричал отставной капрал, выдавая своей уязвленностью немалое самолюбие.

– Я хочу сказать, мистер Гласс, что, будь у вас причал...

– Зачем же нам причал, раз природа подарила нам бухту, где можно легко укрыться от штормов и подойти к самому берегу? Нет, на Тристане нет порта, но Тристан свободно обходится без него!

Я не видел причин вступать с ним в спор. Он гордился своим островом, как князь Монако своим крохотным княжеством...

Я не настаивал, и мы повели речь о другом. Мой собеседник предложил отправиться в лес, достигающий верхних отрогов центрального вулкана. Я поблагодарил его и извинился, что не смогу воспользоваться его любезным предложением, ибо предпочел бы посвятить немногие часы нашей стоянки изучению минералогического состава местных скал. Ведь «Халбрейн» предстояло сняться с якоря, как только завершится пополнение запасов.

– Ваш капитан слишком торопится, – заявил губернатор Гласс.

– Вы находите?

– Его помощник даже отказывается покупать у меня шкуры и масло...

– Нам нужны только провиант и пресная вода, мистер Гласс.

– Что ж, – ответил губернатор несколько разочарованно, – то, что не возьмет «Халбрейн», достанется другим кораблям! Куда же направляется ваша шхуна?

– На Фолкленды, чтобы встать там на ремонт.

– А вы, сэр, надо полагать, всего лишь пассажир?

– Вы совершенно правы, мистер Гласс, и я хотел пробыть на Тристан-да-Кунья несколько недель. Теперь мне пришлось пересмотреть свои планы...

– Сожалею, сэр, как я сожалею! – опечалился губернатор. – Мы были бы счастливы предложить вам наше гостеприимство.

Должен сказать прямо: к тому времени я решил не покидать шхуну. Я доплыву на «Халбрейн» до Фолклендов, откуда смогу переправиться на американский континент. Оставалось надеяться, что капитан Лен Гай не станет возражать против моего присутствия.

Я очнулся и услышал от отставного капрала слова:

– Я не видел цвета его лица и волос. Я говорю о вашем капитане...

– Не думаю, что он сойдет на берег, мистер Гласс.

– Уж не болен ли он?

– Насколько я знаю, нет. Но для вас это не имеет большого значения: его с успехом заменит помощник...

– Который не слишком-то разговорчив! К счастью, пиастры из его кошелька вылетают проворнее, чем слова изо рта.

- Это немало, мистер Гласс!
- Простите, мистер?..
- Джорлинг, из Коннектикута.
- Вот и славно. Теперь я по крайней мере знаю, как вас называть. Узнать бы еще, как зовут капитана «Халбрейн»...
- Гай... Лен Гай.
- Он англичанин?
- Да, англичанин.
- Мог бы догадаться нанести визит соотечественнику!.. Погодите-ка, я, кажется, вспоминаю одного капитана с этой же фамилией... Гай... Гай...
- Уильям Гай? – подсказал я ему.
- Точно! Уильям Гай!
- Командовавший «Джейн»?
- Вот именно, шхуной «Джейн».
- Английской шхуной, заходившей на Тристан-да-Кунья одиннадцать лет тому назад?
- Одиннадцать, мистер Джорлинг! К тому времени я уже пробыл здесь семь лет. Я припоминаю этого Уильяма Гая... отважный человек, очень радушный. Я продал ему партию тюленьих шкур. Он выглядел настоящим джентльменом, немного гордецом, но с добрым сердцем...
- А «Джейн»? – подсказал я.
- Видел и ее. Она стояла там же, где сейчас «Халбрейн», в глубине гавани. Чудесное судно водоизмещением сто восемьдесят тонн, с таким, знаете ли, заостренным носом... Портом ее приписки значился Ливерпуль.
- Да, верно, все так и было, – прошептал я.
- А что, «Джейн» продолжает бороздить моря, мистер Джорлинг?
- Увы, нет, мистер Гласс.
- Неужто погибла?..
- Да. И большая часть команды разделила ее судьбу.
- Такое несчастье! Как это случилось, мистер Джорлинг?
- От Тристан-да-Кунья «Джейн» устремилась к островам Авроры и другим, которые Уильям Гай мечтал найти, руководствуясь описанием...
- Которое он как раз от меня и получил, мистер Джорлинг! – воскликнул отставной капрал. – Что же, разыскала ли «Джейн» эти самые... другие острова?
- Нет, ни их, ни островов Авроры, хотя Уильям Гай не покидал тех широт несколько недель, носясь с запада на восток и обратно и не позволяя наблюдателю спуститься с верхушки мачты!
- Надо полагать, ему просто не повезло. Если верить китобоям, – а почему бы им не верить? – эти острова существуют, их даже собирались назвать моим именем...
- Вполне справедливо, – вежливо заметил я.
- Так что если их не откроют, это будет весьма прискорбно, – добавил губернатор, не скрывая тщеславия.
- И вот тогда, – продолжил я свой рассказ, – капитан Уильям Гай решил осуществить свой давний план, тем более что его побуждал поступить так один пассажир...
- Артур Гордон Пим! – вскричал Гласс. – У него был товарищ – некто Дирк Петерс. Шхуна подобрала их обоих в открытом море.
- Вы знали их, мистер Гласс? – с живостью спросил я.
- Знал ли я их, мистер Джорлинг? О, этот Артур Пим был человеком воистину необыкновенным. Он искал приключений – отважный американец! Такой не отказался бы от полета на Луну. Он туда случайно не заглядывал?

– Нет, мистер Гласс, но, по всей вероятности, шхуне Уильяма Гая удалось пересечь полярный круг, преодолеть вечные льды и оказаться там, где не бывал ни один корабль...

– Вот это чудеса! – воскликнул Гласс.

– Увы, «Джейн» не вернулась назад.

– Выходит, мистер Джорлинг, Артур Пим и Дирк Петерс сгинули?

– Нет, мистер Гласс, Артур Пим и Дирк Петерс не пали жертвами катастрофы, принесшей гибель большинству членов экипажа «Джейн». Им даже удалось вернуться в Америку – вот только не знаю как... Артур Пим умер много позднее при неведомых мне обстоятельствах, а метис жил в Иллинойсе, а потом куда-то уехал, никого не поставив в известность, и след его с тех пор затерялся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.